

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

М. Б. Свердлов

ИСТОРИОГРАФИЯ,
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУСИ
VI–XIII вв.

Учебное пособие для студентов исторического факультета

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2002

УДК 930.1(09)(470)
ББК 63.3(2)41
С24

Рекомендуют к печати:

Кафедра истории России Саратовского государственного университета
Доктор исторических наук *С. А. Мезин*

Свердлов М. Б.

С24 **Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв.: Учеб. пособ. для студентов ист. фак. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. — 96 с. ISBN 5–292–02901–7**

В учебном пособии предлагается новая концепция истории Руси VI–XIII вв. Показана смена и основное содержание исторических теорий в отечественной науке применительно к данной научной проблеме. В исследовании применены системно-структурный и генетический методы получения научных выводов на современном уровне исторического анализа. Обобщены выводы предшествующих научных школ, а также авторские наблюдения над основными процессами становления и развития средневекового русского общества и государства.

Учебное пособие предназначено для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов вузов, для профессоров и преподавателей, а также для любителей отечественной истории.

УДК 930.1(09)(470)
ББК 63.3(2)41

ISBN 5–292–02901–7

© М. Б. Свердлов, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историография и теория.....	4
Исторические начала Русского государства.....	41
Образование Русского государства (VIII – конец IX в.).....	46
Становление Киевской Руси	53
Подъем политического могущества Киевской Руси (середины X в. – 70-е годы XI в.)	57
Дезинтеграция Киевской Руси и становление русских княжеств в последней четверти XI–XII в.	79
Испытание нашествиями	86
Заключение	92

Учебное издание

Свердлов Михаил Борисович

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУСИ VI–XIII вв.

Ответственный за выпуск *Д. Е. Луконин*

Редактор *Л. И. Кадомцева*

Корректор *Ю. И. Астахова*

Технический редактор *Л. В. Агальцова*

Оригинал-макет подготовил *О. Н. Бунин*

Подписано в печать 20.03.2002 г. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Bookman Old Style.

Усл.-печ. л. 5,58 (6,0). Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 300 экз. Заказ 115.

Издательство Саратовского университета.
410026, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

* * *

Целью учебного пособия является ознакомление с результатами новейших исследований в изучении средневековой истории Руси VI–XIII вв. Это – начальный период истории русского народа и государства. От понимания его содержания зависит раскрытие последующих экономических, социальных, политических процессов в отечественной истории, эволюции русской культуры. В последние десятилетия в изучении истории Руси VI–XIII вв., историографии, источниковедении, во вспомогательных исторических дисциплинах накоплен исследовательский опыт, который позволяет автору во многом по-новому рассмотреть основные проблемы отечественной истории раннесредневекового периода. Учебное пособие предназначено прежде всего для студентов и аспирантов вузов исторических факультетов. Оно будет полезно также будущим филологам, правоведам, политологам, социологам. Пособие может представить интерес для профессоров и преподавателей. Углубленные знания в начальном периоде отечественной истории имеют также важное образовательное значение, развивая научный интерес к самым разным ее темам.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРИЯ

История – наука о человеческом обществе в прошлом. Она не только постоянно развивается, совершенствуя свои методы исследования, расширяя круг анализируемых исторических источников. Она устанавливает в далекой от наших дней исторической действительности отдельные факты (события, даты, люди), процессы прогрессивные и регрессивные, системы общественных отношений. В постоянном развитии методов исторического исследования, источниковедческого анализа, в раскрытии содержания новых и уже известных исторических источников и фактов без их догматизации и абсолютизации – основа постоянного дальнейшего развития исторической науки.

Но история является также одной из форм национального самосознания. Она – память народа, одно из средств определения его места в мировом историческом процессе, в прошлом, настоящем, а при объективном всестороннем анализе – и в будущем. Поэтому разные партии, от политических организаций до групп сторонников отдельных лидеров, привлекали и соответствующим образом интерпретировали прошлое для исторического обоснования своих программ.

Между тем, на историков как исследователей воздействовали современные им общественно-политические события и теории, философские школы, многообразные субъективные факторы. Эти связи истории и современности становились причиной дальнейшего развития науки, выявления новых объектов исследования, становления новых методов изучения исторической действительности, ее осмысления в общих категориях закономерностей, устанавливаемых философией, политической экономией, социологией. В то же время история как наука и историки постоянно оказывались под воздействием обстоятельств, находившихся вне собственно исследовательского процесса.

Современный ответ на вопрос – каким было содержание истории средневековой Руси невозможен без учета всего опы-

та исторической, философской, общественно-политической мысли прежде всего в Европе, включая, разумеется, Россию в последние 300 лет. Но этот вывод должен стать следствием ранее накопленного опыта. Ученые, самые разные по научному содержанию школы и направления открывали в исторической действительности различные политические, социальные, экономические системы и их элементы, отдельные исторические факты, все более усложняя методы научного анализа. Однако исследовательский процесс был сложен по содержанию.

Историографы ранее анализировали накопление отдельных фактов и борьбу идей в исторических исследованиях. На новейшем уровне изучения средневековой истории Руси следует обобщить предшествующий накопленный опыт, чтобы в полной его мере использовать.

От концепций исторического единства к теориям национальной самобытности. Средневековый религиозно-провиденциалистский взгляд на историю определял ее содержание Церковным Преданием и прагматическим изложением последовательности событий в их взаимной связи, не раскрывая их сущности, поскольку она было predetermined в соответствии с таким подходом Божественным Провидением. В последовательном изложении событий средневековые авторы подчас устанавливали лишь причинно-следственные связи некоторых из исторических фактов.

Политическая и идеологическая практика Петра I имела следствием не только преобразование России, вследствие чего она была включена в небольшой круг великих европейских держав. Она выявила европейскую сущность этнокультурной и исторической принадлежности России. В правление Петра Великого история стала светской наукой. Исторические события начали анализироваться как следствие деятельности людей вне Божественного вмешательства. Впрочем, каждый исторический факт, обычно – следствие многих причин. Их действия и взаимодействия определялись еще неизвестными факторами. Поэтому российские общественно-политические деятели, начиная с Петра Великого и его сподвижников, а также историки все больше стали обращаться к опыту, уже накопленному светской западноевропейской философской и исторической мыслью, формируя собственные светские аналитические подходы в изучении истории России.

В XVII – первой половине XVIII в. западноевропейскими мыслителями и историками был накоплен уже значительный

исследовательский опыт. Теории естественного права и общественного договора (Г. Гроций, Т. Гоббс, Ж. В. Боссюэ), их модификации в теории полицейского государства (С. Пуфендорф, Хр. Вольф) установили организующую функцию государственной власти. Впрочем, в период господства абсолютистских монархических режимов эти теории отождествляли государство и монархическую власть. В русской общественно-политической и исторической мысли (Петр I, Феофан Прокопович, П. П. Шафиров, В. Н. Татищев и др.) эти идеи реализовывались в общественно-политической практике и в осмыслении отечественной истории. Поэтому методической основой исторических разысканий того времени стал прагматический анализ причинно-следственных связей при определяющем значении монархической власти.

Императрица Екатерина II продолжила в период своего самостоятельного правления в 1762–1796 гг. идеологию Петра Великого в своей внутренней и внешней политике, рассматривая историю России в контексте западноевропейской просветительской концепции единства исторического прогресса. В соответствии с этой теорией, а также общественно-политической деятельностью императрицы, Россия была не только неотъемлемой составной частью Европы, но и развивалась исторически подобно другим европейским странам. Эта историко-философская концепция «просвещенного абсолютизма» использовала в раскрытии содержания процессов русской истории достижения западноевропейской просветительской исторической, общественно-политической и философской мысли в исследовании средневековой Европы.

В середине – третьей четверти XVIII в. великий французский мыслитель Ш. Монтескье, а за ним «Энциклопедия» Д. Дидро и д'Аламбера, установили процесс распада племенного строя у германцев в раннесредневековый период и появления феодальных отношений. Их содержание они проследили в неземельных (первоначально – оружие, конь, пиры, деньги, должности с соответствующими доходами от податей и пошлин) и земельных феодах (по-французски – фьефах), материальном обеспечении за вассальную службу. Было установлено характерное для западноевропейских раннефеодальных обществ превращение полного земельного владения (аллода) в условное (бенефиций) и, напротив, условного владения – в аллод, а королевских (государственных) должностей – в наследственные. С этими процессами связывался рост общественно-

политического значения знати и уменьшение социально-политического значения королевской власти, что вело к политической раздробленности государств (к феодальной раздробленности). Особое значение этого открытия заключалось в том, что описательность исторических процессов, поиск «начал», прагматическое повествование были заменены научным анализом средневекового общества. Объективную основу этого анализа составили источниковые материалы, сообщающие об общественном строе германцев и прежде всего франков в обширный хронологический период I в. до н. э. – IX в. н. э. В то же время его научное и общественно-политическое значение выявилась в том, что он устанавливал средневековое происхождение и традицию феодальных институтов во Франции вплоть до середины XVIII в.

Умеренный по общественно-политическим взглядам Ш. Монтескье (барон Бреды и президент парламента Бордо) уклонился от того, чтобы сделать такой последовательный научный вывод. Но значение его открытия в полной мере оценила радикальная «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера. Она не только раскрыла содержание понятия *feodalite* – *феодализм* как «феодальность», «свойство фьефа», отраженные в нем общественные отношения. «Энциклопедия» показывала в современной ей Франции многочисленные проявления феодального строя в поземельных отношениях, в неземельном, денежном и натуральном, обеспечении дворян и знати за службу королю. Эти идеи, как и сама «Энциклопедия», преследовались королевскими властями. Но концепция *феодализма* уже проявила свою научную и общественно-политическую обоснованность, так что она была поддержана, впрочем, преимущественно в понимании *феодализма* как «феодальной раздробленности», великими философами и историками эпохи Просвещения во Франции, Англии, Германии.

В своем изложении истории России Н. М. Карамзин продолжил просветительскую концепцию ее прогрессивного развития в едином контексте с другими европейскими странами. Отсюда его мысль о существовании на Руси «Системы Феодальной», которую он продолжал под названием «Уделов» до начала XVI в. В то же время он рассматривал историю России и как особый объект исторического изучения, обладающий национальными особенностями. К последним он относил особое значение монархического начала, тогда как демиургом, субъектом истории являлись государство и князья. «История

государства Российского» стала первым исследованием, творчески обобщившим в начале XIX в. разные исследовательские направления предшествующего столетия, прежде всего западные просветительские и российские – «просвещенного абсолютизма».

Между тем вскоре после кончины Н. М. Карамзина его выдающийся труд стал объектом критики самых разных общественно-политических исследовательских направлений. Еще при его жизни декабристы противопоставили концепции «Истории государства Российского» принципы народного суверенитета, народное вече и вечевой строй Новгорода. П. И. Пестель учел также первые труды блестящих представителей французской романтической историографии, О. Тьерри и Ф. Гизо, которые соединили анализ исторического процесса с историей классов и классовой борьбы. В таком новом для русской научной и общественно-политической мысли контексте идеолог радикального направления в декабризме отметил историческое развитие всех европейских стран, начиная со средних веков, включая Россию. Вслед за ранними работами Тьерри и Гизо П. И. Пестель отмечал свойственные для средневековья разделение на классы и «феодальную систему», для которой были свойственны классы привилегированные, всемогущие знати и слабость монарха.

Романтическая историография в странах Западной Европы имела в конце 10-х – 30-е гг. XIX в. два основных направления. Французская школа общественно-политической и исторической мысли после реставрации королевской династии Бурбонов, отстранения буржуазии от власти и лишения крестьян прав собственности на землю, что было завоеванием Великой французской революции, начала анализировать исторический процесс как историю народа, но разделенного на классы. Эти наблюдения объективно готовили общественное мнение к новым революционным преобразованиям, которые разрушили во Франции в революциях 1830 и 1848 гг. социально-политический строй, основанный на восходящих к феодальным порядкам общественных отношениях, на сословных привилегиях. Эти изменения вели к созданию нового общества, базирующегося на юридическом равенстве перед законом граждан, что создавало условия для быстрого развития капиталистических отношений на основе договорных отношений субъектов права и купли-продажи рабочей силы. Другое влиятельное направление романтической школы развивалось в

Германии. Оно исходило из характерных для философской концепции Ф. В. Й. Шеллинга поисков определяющих начал, в частности, особого «народного духа» нации. Это научное направление в раздробленной тогда на десятки королевств, маркграфств, герцогств, архиепископств, «вольных городов» Германии выявляло общее – единые исторические и культурные традиции. Оно объективно готовило воссоединение Германии в единое государство. Но особенное в национальном развитии преобладало в таком образом понимаемом историческом процессе над общим. Эти две парадигмы романтической философской и общественно-политической мысли определили в 20-е – 40-е гг. XIX в. основные направления в содержании исторических исследований не только потому, что история – одна из наук об обществе, но и потому, что в XIX столетии историки искали и находили в философии те обобщения, которые они еще не могли открыть посредством исторического анализа. Отсюда – такое большое влияние в это время философских школ на историков и их разыскания. Оно в равной мере распространилось как в странах Западной Европы, так и в России, которая в духовной жизни русских интеллектуалов постоянно находилась в продолжение петровских и екатерининских традиций в едином европейском пространстве.

В таком общественно-политическом и интеллектуальном контексте в самодержавной и крепостнической России второй половины 20-х гг. XIX в. после поражения декабристов идеи французской романтической школы распространяться не могли. В круге идей либеральной романтической историографии Н. А. Полевой подверг критике «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, поскольку, по его словам, – «это, собственно, История Государей, а не государства, не народа». Такому подходу он стремился противопоставить историю «народа Русского». Идеи исторического прогресса, сохраненные французской романтической историографией, существования европейской цивилизации отразились в концепции Н. А. Полевого в прослеживании им феодализма (сначала «частные имения», позднее пожалования воинам, а затем и «семейный феодализм» в виде княжеских уделов) на Руси до начала XIII в. По его мнению, Русь «разъединилась» с «Историей мира Европейского» в результате татаро-монгольского нашествия и «соединилась» с ней в середине XVII в. Но эти наблюдения, опубликованные в 1829 г., очень скоро вошли в противоречие с правительственным курсом императора Николая I.

От теорий национальной самобытности к концепциям исторического единства. Восстание в Польше, революция 1830 г. во Франции и Бельгии, свержение Бурбонов во Франции, распад «Священного союза» монархов поставили перед Николаем I проблему выбора направления дальнейшего пути России: реформы, которые должны были приблизить ее общественно-политический строй к западноевропейскому, или консервация существующих порядков – крепостничества, сословного строя, самодержавия, их экономических, социальных, политических и правовых следствий. Николай I осознанно избрал консерватизм. Для этого надо было противопоставить Россию Западу не только политически, но и идеологически. Философскую основу идеологии николаевского режима составили шеллингианские поиски особенностей «народного духа». Особыми началами России и ее истории были провозглашены «самодержавие, православие, народность». Одновременно и даже опережая формирование правительственной идеологии С. П. Шевырев, М. П. Погодин, позднее осведомитель Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии (управление политического сыска и жандармерии) Ф. В. Булгарин, востоковед и литератор О. И. Сенковский и другие противопоставили историческое развитие России и стран Западной Европы, начиная с древнерусского периода. По словам М. П. Погодина, Западу были свойственны «завоевание, разделение, феодализм, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов», а далее «единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция», конституции, «борьба низших классов». В средневековой Руси, напротив, «нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы».

Такому идеологизированному противопоставлению путей исторического развития России и стран Западной Европы были не нужны после 1830 г. карамзинские идеи их общего и особенного. Более того, официальным направлением с помощью Третьего отделения и без нее начала преследоваться казалось бы только научная концепция феодализма на Руси. Дело в том, что эта концепция являлась не только одним из знаков приверженности к петровским и екатерининским идеям европейской принадлежности России и как следствие этого – к идеям реформ и прогресса. Это была научная теория, которая устанавливала за средневековыми русскими категориями и

конкретными историческими фактами их структурные и сущностные характеристики, свойственные общеевропейским историческим процессам, в частности, становления и развития феодальных общественных отношений. Она позволяла раскрыть содержание исторического процесса изнутри, посредством научного анализа. Но такой анализ не был нужен николаевскому режиму, который противопоставил ему описательность и внешний блеск.

Наряду с официозным преследованием идей единства исторического прогресса в России 30-х – 50-х гг. XIX в. их отрицание происходило и вследствие концепционных историко-философских оснований. В соответствии с немецким направлением романтизма, прежде всего шеллингианским выявлением и изучением «народного духа», славянофилы (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков и другие) сосредоточились на анализе народной жизни. Они открыли и начали исследовать общину. Велики их заслуги в записи и начале научного изучения фольклора. Впрочем, народная жизнь в ее этнокультурных особенностях была ими абсолютизирована. Это привело их к либеральной оппозиции государственно-полицейскому николаевскому режиму, которому они противопоставили отличное от официальной церкви православие как особую религиозную и духовную форму жизни, общинность как форму самоорганизации и самоуправления народа – «Земли» и православного царя, венчающего и объединяющего эту иерархию общин. Такие идеи, решительно расходившиеся с идеологией и практикой николаевского режима, стали причиной их правительственного преследования. Но, с другой стороны, абсолютизация славянофилами особенностей национальной истории и «народной жизни» привела их к совпадению с официальной охранительной доктриной в противопоставлении России странам Западной Европы. Эта антитеза была сохранена славянофилами и в осмыслении средневековой русской истории, в чем они также совпали с официозной доктриной. В качестве одного из доказательств такого противопоставления использовался, в частности, формирующийся романтический стереотип символов феодализма – замки, рыцари, король и вассалы, менестрели и т. д., чего не было на Руси. Следствием славянофильского подхода к изучению отечественной истории стала также отрицательная оценка реформ Петра Великого, который, по их мнению, нарушил национальную традицию исторического развития.

Таким теориям западники Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и другие противопоставили в 40–50-е гг. восходившую к гегелевской философии концепцию единого исторического развития от рода и семьи к государству (с различиями в интерпретации). Но эта концепция и ее сторонники оказались под жестким идеологическим и административным давлением николаевского режима. Поэтому вопреки внутреннему содержанию теории единства исторического процесса конкретные особенности русской истории превращались в ее противопоставление истории западноевропейской. Стремление к установлению внутренних причин эволюции свидетельствовало о начале нового этапа развития русской исторической науки, в которой в качестве определяющих становились не отдельные факторы и институты, а объективные закономерности. Так что и западников 40–50-х гг. карамзинская теория удовлетворить не могла. Объективно ей был противопоставлен в середине XIX в. новый обобщающий труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», где впервые массовый исследовательский материал был соединен с определением внутренних причин средневековых исторических событий в виде эволюции родовых отношений в государственных, а не волей государей или случая. С. М. Соловьев учитывал и такие объективные факторы в истории страны как природный и географический.

Крымская война 1853–1856 гг. стала для николаевского режима критерием истины (здесь и далее война рассматривается лишь как один из критериев, свидетельствующим об уровне общественного и технического прогресса). Оказалось, что его теория и практика привели к значительному экономическому, социальному и политическому отставанию России от передовых западноевропейских государств. Импульсы петровских и екатерининских преобразований, которые позволяли стране находиться в числе ведущих европейских держав, оказались исчерпанными в начале XIX в., когда ее экономика еще позволяла на равных сражаться с наполеоновской Францией. Внешний блеск и экономическая, социальная, политическая стагнация крепостнической и самодержавной России существовали при николаевском режиме в трагическом противоречии. Во время Крымской войны выяснилось, что пушки и ружья стреляли не «по-русски», «по-французски», «по-английски» или «по-турецки», а хорошо или плохо, они были современными или устаревшими. Массовый героизм россиян не смог про-

тивостоять современной военной технике англичан и французов.

В 1861 г. было отменено крепостное право на условиях, самых благоприятных для дворянского сословия. В 1864 г. были проведены земская и судебная реформы, а в 1870 г. – городская. Они утверждали формальное равенство сословий перед законом. Но российская действительность сохраняла объективные условия для продолжения в общественно-политической, философской и исторической мысли традиций противопоставления России и стран Западной Европы. В отличие от передовых стран Запада в России еще медленно развивались капиталистические отношения и промышленность, экономическая и социальная активность крестьянства ограничивалась выкупными платежами, сохранением общинной круговой поруки, средневековыми по природе отработками. Царская власть оставалась самодержавной, общество – сословным, состоящим из подданных, а не граждан. Церковь не была отделена от государства. Вместе с тем, начавшиеся обеднение представителей самых разных сословий, пролетаризация простого городского и сельского населения демонстрировали отрицательные стороны формирующегося индустриального общества. Поэтому в интеллектуальных кругах поздние славянофилы и почвенники, в социалистическом революционном движении народники и народолюбцы стремились избежать дальнейшего следования по этому пути в другой направленности развития России. Историко-идеологическим обоснованием таких идей стало противопоставление России и Запада в историческом процессе. Для данного подхода существовали также философские основания. Позитивизм, который распространился в середине – второй половине столетия, создавал объективные условия для углубленного анализа изучаемых структур. Но теоретические основы позитивизма содержали ограниченные возможности межструктурных связей для системного анализа. Отсюда позитивистский исследовательский подход при изучении исторических фактов и процессов обращал внимание лишь на причинно-следственные связи, определял в качестве доминирующих только отдельные явления и факторы вместо всей сложности диалектических системных связей и процессов. Историко-публицистическое и философское осмысление эти идеи нашли в концепции Н. Я. Данилевского, который противопоставил славянский культурно-исторический тип романо-германскому, «Западу».

Кроме объективных обстоятельств российской жизни середины – второй половины XIX в. и философских оснований на исследования русской средневековой истории воздействовал также фактор массовой психологии. В начале XX столетия Н. П. Павлов-Сильванский писал, что «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона». Такого же мнения был в то время активный деятель русской исторической науки, западник и либерал Н. И. Кареев, определяя отношение отечественных ученых к определению общественного строя средневековой Руси. По его словам, «у нас не было феодализма – такова была господствующая точка зрения нашей историографии. Среди историков было как бы неприлично находить феодализм в России». Вероятно, в середине – второй половине XIX в. такое отрицание на уровне массового сознания и «моды» стало следствием переосмысления поражения России в Крымской войне, осознания ее отсталости в сравнении с западными державами, но в то же время и видом утверждения величия страны не на научном, а психологическом уровне в соответствии с принципом – мы тоже великие, но не такие.

В изучении средневековой истории России все эти причины выразились в том, что основное содержание древнерусской истории стало определяться в соответствии с понятиями середины – второй половины XIX в. как противоположность общинного или земского и монархического начала. Первое выразилось в представлениях историков о не существующем в феодальной Западной Европе строе вечевых городов и городских волостей с общинным или земским самоуправлением (первое толкование было связано более с революционными и левыми кругами, второе – с либеральными и умеренными). Но поскольку во второй половине XIII – XIV вв. такой строй, кроме Новгорода, был неизвестен, то приходилось прибегать к логически устанавливаемому внешнему фактору: он, якобы, был уничтожен татаро-монгольским нашествием.

Все исследовательские направления накапливали в XIX столетии определенные наблюдения над историей земледелия, ремесла и торговли, сельского и городского населения, историей государства и княжеской власти. Они способствовали созданию учеником С. М. Соловьева В. О. Ключевским новой обобщающей концепции средневековой Руси. Она была изложена в «Курсе русской истории», изданном впервые в

1903 г. «Родовая» теория его учителя трансформировалась у В. О. Ключевского в мнение о «лествичном восхождении» членов княжеского рода от младших столов (городов) к старшим, становление государственных отношений – в образование «княжества-вотчины». В соответствии с экономическими теориями того времени он учитывал экономический фактор, под которым полагал эволюцию русской экономики от «добывающей промышленности» (лесных промыслов, звероловства, бортничества), торговли и «капитала» в Днепровский период к земледелию и землевладению в Верхневолжский и Московский периоды. Он отметил происходившую в средневековой Руси социальную и политическую эволюцию. В. О. Ключевский интегрировал в свою концепцию теорию городских волостей, а также теорию средневековых классов и сословий, но в характеристике зависимых людей преобладало, по его мнению, юридическое начало. Поэтому при анализе социально-экономических отношений в древнерусский период для него определяющими понятиями стали рабство и рабовладение.

Концепция В. О. Ключевского стала на рубеже XIX и XX столетий новым монографическим обобщением авторских разысканий и исследований русских историков предшествующих пятидесяти лет. На этой концепции была воспитана плеяда блестящих исследователей, выпускников Московского университета (П. Н. Милюков, М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер, М. К. Любавский, С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин и другие), основными темами которых стала в то время социально-политическая история средневековой Руси, а также России XVIII в. Экономизм в концепции В. О. Ключевского был продолжен и развит в «экономический материализм» теми его учениками, которые стали марксистами – Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским. Но и они сохранили эклектичное обобщающее содержание концепции своего учителя.

В тот же период в Петербурге возникали новые исследовательские тенденции. Петербургский университет находился слишком близко, в прямом и переносном смысле, к Зимнему дворцу, чтобы в нем могли возникать и развиваться, как в университете Московском, либеральные обобщающие концепции истории России. Он находился под непосредственным контролем министров народного просвещения, а его профессора постоянно привлекались к частному обучению детей императорской фамилии и великокняжеских семей. Но в Петербурге находилась Археографическая комиссия, которая

постоянно поддерживала высокий уровень источниковедческих исследований, и как следствие этого – высокий уровень культуры анализа исторического факта на основе всего комплекса критически изученных источников и в его внутренней структуре. Данное исследовательское направление нашло философское обоснование в широко распространившемся в России этого времени позитивизме, который противопоставил идеалистическим в философских основах шеллингианским и гегельянским теориям материалистический, сложный в своем содержании факт. В таких обстоятельствах теории и практики исторических исследований обобщающие концепции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского вызывали оппозицию петербургских ученых, поскольку они во многих основных положениях не соответствовали все более накапливаемым и критически изученным на комплексной источниковой основе фактам.

На рубеже XIX и XX вв. сложилась новая исследовательская ситуация. Существующие в русской исторической науке обобщающие концепции (здесь и далее рассматриваются теории истории средневековой России) перестали удовлетворять новым исследовательским возможностям. Как отметил А. Е. Пресняков, представитель так называемой «петербургской» исторической школы, основанные на предшествующих историческому исследованию теоретических посылаках обобщающие концепции С. М. Соловьева и В. О. Ключевского имели следствием целенаправленный подбор исторического материала. В свою очередь, отобранные исторические источники и факты становились обоснованием исходных теоретических посылок. Таким образом, формировался порочный логический и исследовательский круг. Отсюда, определенное А. Е. Пресняковым наиболее характерное свойство «петербургской» исторической школы: «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». Между тем петербургским историкам становилось «тесно» в ограниченных пределах изучения исторических источников и фактов. Такие их представители как Н. П. Павлов-Сильванский и А. Е. Пресняков создали во второй половине 90-х гг. XIX в. – 900-е гг. новые обобщающие концепции истории средневековой России. Их появлению способствовали новые общественно-политические условия в стране.

Консервативная политика Александра III сдерживала столь необходимые России преобразования. Поэтому после воцарения

в 1894 г. Николай II должен был следовать открытой экономической и внешней политике. Она способствовала включению России в систему индустриальных государств, быстрому развитию капиталистических отношений. При этом вопреки идеологемам 1830-х – первой половины 90-х гг. оказывалось, что Россия в своей экономике и культуре является такой же европейской страной, как и другие европейские державы. Эти объективные обстоятельства способствовали переосмыслению, в частности, процесса исторического развития Руси в средневековый период.

Новый подход к изучению общественного строя средневековой Руси начал формироваться вне императорских университетов. Н. П. Павлов-Сильванский служил в государственных архивах, что позволило ему избежать давления профессоров, которые оставались приверженными традиционным для отечественной исторической науки того времени схемам. На новом теоретическом и конкретно-историческом уровне с учетом трудов западноевропейских и отечественных медиевистов, нового для такого рода исследований широкого круга исторических источников, в частности, публичных и частных актов, он пришел к наблюдениям, свидетельствующим о тождестве, вплоть до одинаковых названий, экономических, социальных, правовых и политических феодальных институтов стран Западной Европы и Руси XIII–XVI вв. Впрочем, основные признаки «феодализма» он понимал по Ф. Гизо и позитивистской литературе своего времени как крупное господское землевладение, «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», отношения сюзеренитета-вассалитета, сосуществование условного землевладения и вотчинного. При этом под феодем он понимал только «настоящий феодем – землю». В соответствии с таким пониманием «феодализма» период до XIII в. он характеризовал как «дофеодальную эпоху», время общинно-вечевого строя, как думали его современники. Но в отличие от многочисленных авторов, противопоставлявших таким образом интерпретированный «феодализм» и централизованные монархии, Н. П. Павлов-Сильванский отмечал «тот же сеньориальный режим» в качестве экономической основы социального строя российской сословной монархии второй половины XVI – первой половины XIX в.

Тогда же А. Е. Пресняков раскрыл как семейно-родственное, так и договорное содержание междукняжеских отноше-

ний в домонгольской Руси. Отметим он и особые формирующиеся социальные и правовые отношения в зоне действия «княжого права». А. Е. Пресняков и Н. П. Павлов-Сильванский после долгого перерыва в отечественной исторической литературе вновь стали исследовать древнерусскую историю в сравнительно-историческом изучении с германскими древностями, устанавливая их содержательное единство и единые истоки в древнейшем индоевропейском прошлом.

Одновременно в Петербурге и в Москве, происходило сближение конкретных исторических разысканий с новейшими направлениями философской мысли. Наиболее ярким и последовательным представителем этого движения в северной столице явился А. С. Лаппо-Данилевский, который не только создал школу русской средневековой дипломатики, но стал также активным сторонником неокантианства, интерпретируя с его позиций факты исторической действительности и культуры. Сторонником сближения философских подходов и исторического анализа был также А. Е. Пресняков. Впрочем, оказалось, что формальное признание феодальных отношений в соответствии с концепцией Н. П. Павлова-Сильванского, но в ее ограниченной «редакции», еще не снимает теоретического противопоставления исторического развития России и «Запада», о чем свидетельствует теория «контраста» П. Н. Милюкова, ученика В. О. Ключевского, одного из лидеров либерального движения в России.

Упущенные самодержавной властью возможности быстрых экономических, социальных и политических преобразований имели следствием постоянное отставание пореформенной России от передовых индустриальных держав. Косность самодержавных имперских структур имела следствием поиски революционных путей преобразований в стране в 1905-1907 и в 1917 гг.

Октябрьская революция внесла существенные коррективы в процесс изучения истории средневековой России. В конце 10-х – 20-е гг. ведущие историки средневековой Руси, в основном, продолжали в этой области знаний идейную и содержательную направленность дореволюционных работ (С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, М. К. Любавский, С. Б. Веселовский и др.) Ее сохранили даже ведущие историки-марксисты тех лет – М. Н. Покровский и Н. А. Рожков. В основе их работ оставалась концепция В. О. Ключевского, хотя они оснастили свои разыскания революционной риторикой того времени и со-

циологизировали исторический анализ. В работах историков всех исследовательских направлений 20-х гг. распространилась идея существования феодализма в средневековой Руси как утверждение ее принадлежности к общеевропейской направленности исторического развития. Но их понимание сущности «феодализма» представляло собой «сокращенную редакцию» концепции Н. П. Павлова-Сильванского. Личная зависимость (холопство) в соответствии с юридическим статусом продолжала называться «рабством», а экономическая, сопровождаемая внеэкономическим принуждением – «крепостничеством». Поэтому, в частности, в духе времени у Н. А. Рожкова появилась на Руси X–XII вв. «феодальная революция» как следствие появления господского хозяйства и «экономических классов». Как следствие статичного и ограниченного понимания «феодализма» предшествующий период стал у него «дофеодальным». Отсюда и понятие «феодализма» оказалось у него вне временной определенности, а основным признаком оказывались все те же ослабление центральной власти и политическая раздробленность. В отличие от других историков 20-х годов, для которых определяющим в «феодализме» все более становилось крупное землевладение господского хозяйства, С. В. Юшков начал анализировать на материалах XII–XIII вв. не только феодальные институты закладничества и патроната, но также вассалитета (вслед за Н. П. Павловым-Сильванским) и министриалитета.

В 20-е гг., уже в советский период, качественных изменений в отечественных исследованиях средневековой Руси не было. Они произошли в 30-е годы вследствие вторжения в историческую науку И. В. Сталина и, как писали в период сталинского режима, его «гениальных указаний». Одновременно создавалась история Киевской Руси в соответствии с идеологемами догматического марксизма, превращенного Сталиным в обоснование террористического режима личной власти: государство – следствие появления классового общества, феодалов и крепостных с антагонистическими отношениями между ними, тогда как государство выражает волю господствующего класса. Разумеется, эта схема не учитывала особенности сословной и классовой структуры средневекового общества, а также регулятивных функций государства.

И. В. Сталин использовал историческую науку как инструмент идеологического воздействия. В интернациональном по своему идейному содержанию марксизме (здесь и далее речь

идет в соответствии с анализируемой проблемой о древних и средневековых обществах) он выбрал не марксовы поиски закономерностей исторического развития в соединении способа производства и объективных историко-культурных региональных и временных особенностей (азиатский, античный, феодальный способы производства), а сформулированную Ф. Энгельсом жесткую преемственность формаций – первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической. Если такая преемственность стала для В. И. Ленина одним из историко-идеологических оснований закономерности Октябрьской революции, то, по Сталину, революционная смена этих формаций имела объективным следствием появление СССР во главе с его вождем. Такая идеологема подразумевала обязательную преемственность первобытнообщинных, рабовладельческих и феодальных = крепостнических отношений как предысторию нового и новейшего времени. Она ставила советских исследователей в сложнейшее положение, поскольку вывод был уже сформулирован, а им оставалось лишь доказывать его обоснованность. Заданным в этой идеологеме оказывалась обязательная преемственность рабовладельческих и феодальных отношений, в чем подход в понимании рабства (от Энгельса до Сталина) как первого классового деления вследствие исторической закономерности совпадал с позитивистским.

Конкретные трудности медиевистов заключались также в том, что Сталин считал основными «признаками» феодализма крупное землевладение и крепостничество, тогда как основными «признаками» различий между рабами и крепостными становились признаки юридические – первых можно было убить, вторых – продать. Сложности положения исследователей были умножены «Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР», подписанными И. В. Сталиным, А. А. Ждановым, С. М. Кировым (август 1934 г.). В них феодализм был противопоставлен «дофеодальному периоду, когда крестьяне не были еще закрепощены». В этих статичных метафизических характеристиках снимался процесс становления реальных феодальных отношений (общественных отношений, основанных на феодах), которые подменялись феодальной общественно-экономической формацией.

В результате такого вторжения в исследовательский процесс истории, следовавшие догматической схеме смены общественно-экономических формаций, писали о развитых

рабовладельческих отношениях, которые предшествовали феодальным (различия были лишь в конкретном определении этого периода) (И. И. Смирнов, А. В. Шестаков, П. П. Смирнов, А. И. Яковлев, А. П. Пьянков). Те, кто прослеживал вслед за распадом первобытнообщинных отношений становление феодальных, должен был, по определению, находить крупное землевладение и крепостничество (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и др.) При этом создавалась возможность легкого опровержения таким образом понимаемого «феодализма» – если нет данных «признаков», то нет и «феодализма». Ссылки на статично понимаемый «дофеодальный период» создавали условия для критики искусственного удревнения крупного землевладения и крепостничества, но в то же время они сохраняли все составляющие элементы парадигмы, которая при сталинском режиме стала называться «марксистской» (С. В. Бахрушин, С. В. Юшков). Впрочем, в конкретном историческом анализе все более выявлялось оппонирующее по отношению к догматической идеологии смены первобытнообщинных, рабовладельческих и феодальных отношений свойство «генетической» грековской концепции появления феодализма в результате разложения родоплеменного строя. Эта идея восходила к наблюдениям В. И. Равдоникаса второй половины 20-х годов. Но Б. Д. Греков на конкретных источниковых материалах показал появление в господском хозяйстве разных форм средневековой зависимости. Поэтому его концепция в научных дискуссиях 30-х – 40-х годов была более убедительной, вопреки догматическому пониманию «феодализма», к тому же она совпадала с позитивистским и марксистским направлением в преимущественном ограничении феодальных отношений господским хозяйством.

Таким образом понимаемый «феодализм» стал основой разработанной в довоенные годы периодизации истории России «эпохи феодализма» как синонима «феодальной формации»: Киевское государство, период феодальной раздробленности в XI – первой половине XV в., феодальное абсолютистское государство – от формирования централизованного Русского государства во второй половине XV–XVI в. до дворянской империи в XVIII – первой половине XIX в. Впрочем, и эта концепция подверглась деформации в послевоенный период. Под воздействием свойственных сталинизму псевдопатриотических и националистических кампаний стало считаться, что чем древнее устанавливались феодальные отношения, понимаемые как крепостничество (крупное господское хозяйство, взимаемая в

нем феодальная рента), тем патриотичнее общественная и научная позиция автора (В. И. Довженок, М. Ю. Брайчевский, Б. А. Рыбаков; здесь и далее в едином историографическом контексте советского периода представители национальных украинской и белорусской школ историков не выделяются). В соответствии с натиском таких идей в условиях послевоенного сталинского террора удревнил генезис «феодализма» и Б. Д. Греков.

Сталинизм превратил материалистическое понимание истории в экономический детерминизм. Поэтому ни при сталинском режиме, ни долгое время в постсталинский период не нашел должной оценки новаторский подход Б. А. Романова к анализу общественных отношений в контексте социальной психологии, быта и нравов. Уже во второй половине 40-х – начале 50-х годов становились ясными ограниченные аналитические возможности такого понимания «феодализма». Сначала С. В. Юшков поставил вопрос о перерастании в X в. дани в феодальную ренту, затем Л. В. Черепнин – проблему «государственного феодализма». Эти наблюдения стали началом нового направления, которое объективно возвращало к давно забытому в результате позитивистского, а позднее и догматического марксистского подходов изучению *феодализма* как общественных отношений, основанных на неземельных и земельных феодах.

Если Н. П. Павлов-Сильванский, а позднее С. В. Юшков лишь называли неземельные феодалы, но «настоящими» воспринимали лишь земельные, то Л. В. Черепнин считал все виды государственных податей рентой. «Материалистическим» основанием этого мнения был тезис К. Маркса о земельной ренте как атрибуте крупной земельной собственности. Но в гипотезе Л. В. Черепнина, который также продолжил грековское направление в изучении отношений в господском хозяйстве, этот тезис абсолютизировался, поскольку крупной земельной собственностью как экономической категорией в данной теории считалась верховная собственность государства на землю. Отсюда происходили важные следствия в понимании природы земельной собственности, государственной и частной, земельных отношений, государственных податей, свободы в средневековой Руси. Эти темы стали предметом острых дискуссий в конце 50-х – 70-е гг. Но черепнинское направление лишь намечало в пределах догматического марксизма новые исследовательские пути.

Одновременно в постсталинский период размывались схематичные представления о феодальной общественно-экономической формации. Дискуссия, начатая докладом А. Д. Люблинской, обращала внимание на типологические различия становления и развития феодального общества в зоне романо-германского этнокультурного синтеза в Западной Европе и на огромном субконтиненте Центральной, Северной и Восточной Европы вне этой зоны. На западноевропейских материалах стала показываться ошибочность мнения о господстве крупного землевладения в процессе становления феодальных отношений в раннее средневековье, когда преобладали лично свободные крестьяне – владельцы земли (аллодисты) и мелкие вотчинники (Л. Т. Мильская, А. И. Данилов, Я. Д. Серовайский). Была показана широкая зона внеземельных бенефициальных отношений и фьефа-ренды (Ю. Л. Бессмертный), равное использование в раннефеодальный период в господском хозяйстве денежной, продовольственной и отработочной ренты (Л. Т. Мильская), появление разных нерабских средневековых форм зависимости (А. И. Неусыхин), что также разрушало стереотипы догматического марксизма.

Своеобразным протестом против стереотипов советской медиэвистики сталинской поры стала гипотеза А. И. Неусыхина о существовании особого «дофеодального» периода между распадом первобытнообщинного строя и строем феодальным. Между тем он вернулся к этому понятию позитивистской и сталинистской литературы в тех же идеологемах догматического марксизма: если нет развитых классов, классового господства и классового неравенства – нет государства, поскольку государство выражает волю правящего класса. Возможно, следствием таких формулировок была также неокантианская теория идеальных типов, которой он следовал еще в молодые годы вслед за М. Вебером и своим учителем Д. М. Петрушевским. Впрочем, результат оказался близким к позитивистским и догматическим марксистским теориям: понимание «феодализма» и «государства» оставалось в пределах поземельных и классовых отношений, тогда как генетический процесс их становления снимался.

Эту ограниченность концепции А. И. Неусыхина преодолевал А. Я. Гуревич, хотя и он активно поддержал идею «дофеодального» периода. С одной стороны, он придерживался давней идеи особого значения крупного землевладения в процессе феодализации, но, с другой, – возобновлял изучение становле-

ния феодальных отношений, начиная с дружины, через неземельные феодалы-фьефы и отношения сюзеренитета-вассалитета. Подобно другим ученикам А. И. Неусыхина он отметил множественные формы феодального господства и подчинения, которые появились с распадом родоплеменного общества, а также разные виды ренты в господском хозяйстве, решительно возражая против применения понятия «крепостничество» к множественным формам зависимости крестьян. Его исследования показывали значение кормлений и, шире, королевских пожалований в процессе феодального подчинения лично свободных крестьян, эксплуатацию крестьянства господствующим классом посредством государственных форм при существовании ранней формы верховной королевской земельной собственности. Поэтому, по наблюдениям А. Я. Гуревича, дани, угощения и кормления короля и его служилых людей эволюционировали частично в государственную подать, частично – в государственную ренту. Этот процесс он прослеживал в английском бокленде, скандинавской вейцле, а на Руси – в полюдье и системе погостов. Таким образом, «дофеодальный» период наполнялся конкретными генетическими экономическими и социально-политическими процессами формирующегося феодального общества.

В отличие от позитивистских основ понимания «дофеодального» и «феодального» периода Н. П. Павловым-Сильванским, Н. А. Рожковым, от метафизики «указаний» И. В. Сталина в работах А. Я. Гуревича 60-х годов соединились конкретно-исторические наблюдения над процессом генезиса феодальных отношений в результате распада родоплеменного строя с неокантианским пониманием «феодализма» как «идеального типа», «модели». Поэтому, по его мнению, «модель» *конструируется как связанная система признаков, заимствуемых подчас из разных реальных образований, принадлежащих к одной группе и потому движущихся по общим законам; созданный научной мыслью идеализированный объект функционирует согласно этим законам и воплощает черты, принадлежащие в той или иной степени всем разновидностям данной группы <...>* (курсив наш. – М. С.) Таким образом, по А. Я. Гуревичу, «модель» является не следствием системного научного анализа исторической действительности как приближения к познанию ее сущности, а неокантианским «идеальным типом» – конструкцией, созданной научной мыслью. Отсюда последователен его вывод о непознаваемости истории, о ее реконструирова-

нии и конструировании вместо сложного в своем содержании процесса изучения: «Какова была история «на самом деле» нам знать не дано, реконструируя историю, – по словам А. Я. Гуревича, – мы ее конструируем».

В отличие от медиевистов, исследователей истории средневековой Западной Европы, специалисты по средневековой русской истории сохранили в постсталинский период в значительной мере приверженность идеям прежней поры. Эти традиции сохранялись как в виде преемственности, так и в преобразованном виде протестного отрицания. В 50-е – 80-е годы Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок, М. Ю. Брайчевский продолжили с определенными изменениями послевоенную версию концепции Б. Д. Грекова, тогда как И. И. Смирнов и В. В. Мавродин – ее довоенный вариант.

В конце 50-х – начале 60-х годов Е. Д. Романова и Н. Л. Рубинштейн вернулись к теории «дофеодального» периода на Руси, что можно рассматривать как форму протеста против недоказанного удревнения развитых рабовладельческих или феодальных отношений, поскольку, по их мнению, еще существовала недифференцированность хозяйственной деятельности при определяющем значении свободных общинников и патриархальных рабов – челяди.

Своеобразным видом отрицания грековской концепции стало возвращение к идеям особого значения рабовладения в средневековой Руси. С. А. Покровский, А. П. Пьянков, В. И. Горемыкина продолжили традицию преемственной смены первобытнообщинных, рабовладельческих и феодальных отношений. Различались они лишь во мнении, когда были эти рабовладельческие отношения и как долго рабство (по их мнению, челядь и холопы) на Руси продолжалось. А. А. Зимин вернулся к идее историков-марксистов конца 20-х – начала 30-х годов о появлении феодальных форм зависимости и эксплуатации в результате разложения рабства (как он считал, во второй половине XI в.) Писал он и об особом значении государственных форм эксплуатации (вслед за Л. В. Черепниным), но этот тезис остался им конкретно не раскрытым. Мысль о большом значении рабства в процессе становления и развития феодализма на Руси активно поддержала тогда и Е. И. Кольчева.

И. Я. Фроянов, не определяя понятие *раб*, исходил из очевидности «наличия рабства и рабовладения в Древней Руси». Поэтому, по его мнению, основная часть зависимых людей

представляла собой рабов и производные от рабства категории, хотя были также «крепостные» («некоторая часть» владельцев смердов и изгоев). В понимании «феодализма» ученый остался в понятиях сталинской поры, поэтому наличие или отсутствие крупного землевладения, соединенного с крепостничеством, было для него основным признаком наличия или отсутствия «феодализма» на Руси. Позднее таким «признаком» «феодализма» стало вслед за позитивистскими и догматическими марксистскими теориями наличие или отсутствие крупного господского хозяйства. Такое понимание «феодализма» И. Я. Фроянов соединил с теориями «дофеодального» периода, теориями общинно-вечевого и земско-вечевого строя (ученый их содержательно не различает) как отрицание феодальных отношений в Древней Руси. Для доказательства этого ему пришлось отбирать и целенаправленно интерпретировать исторические источники, а социальные институты Киевской Руси сопоставлять с общественным устройством африканских племен банту и йоруба, эскимосами, племенами Полинезии и Меланезии, аборигенами Австралии и т.д. Он также устанавливает «сходство» существовавших, по его мнению, городов-государств на Руси с древнегреческими полисами. В то же время в соответствии с теориями догматического марксизма Киевской Руси как государства, по его мысли, не было, потому что не существовали «сложившиеся» классы, а вследствие этого и правящий класс, чью волю это государство должно было выражать (вслед за этими теориями управленческие и регулятивные функции государства ученый также не учитывает). Таким образом, И. Я. Фроянов вывел Русь из общеевропейского процесса развития X–XIII вв., которое заключалось в формировании и развитии средневековых, а не античных рабовладельческих экономических, социальных и политических структур. Поэтому ему пришлось, как и его предшественникам по общинно-вечевой и земско-вечевой теориям, обратиться к внешнему фактору, разрушительному воздействию татаро-монгольского нашествия, чтобы как-то объяснить исчезновение такого неведомого в других европейских средневековых странах общественно-политического строя.

В 60-е – 80-е годы продолжались одновременно и другие исследовательские традиции, исходившие из концепции верховной собственности государства на землю как экономической категории: церковная десятина и неземельные подати как феодальная рента, многоукладность экономики Руси XI –

первой половины XII в. (Я. Н. Шапов), эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством и как следствие этого – феномен сильной государственной власти, государственный налог – феодальная рента, рента-налог или централизованная рента (А. В. Милов), максимальное сближение государственного налога-ренты и подати-ренты в господском хозяйстве (О. М. Рапов), государственная, корпоративная феодальная собственность на всю территорию Новгородской земли как «материальный фундамент» новгородского боярства в допотопный период X–XI вв. при появлении крупных боярских вотчин в начале XII в. (В. Л. Янин), государственно-корпоративная земельная собственность дружины как материальная основа генезиса феодализма (А. А. Горский). Если С. М. Каштанов соединил исторический аспект этой проблемы с политэкономическим, то А. Л. Шапиро считал нужным проследить процесс перерождения в XI–XII вв. дани в ренту продуктами, дани и кормлений со свободных общин и общинников в поземельную ренту, а судебных пошлин – в атрибут земельной собственности.

В продолжение традиций системного использования всех видов исторических материалов с учетом их источниковедческого анализа автор этих строк в работах 60-х – 80-х годов (некоторые из них были опубликованы в 1996–1997 гг.) пришел к выводам, которые продолжали существовавшие ранее исследовательские тенденции, но и существенно отличались от них. По нашему мнению, генетические истоки средневекового общественного строя находились в славянском мире в позднем племенном строе. Бывшие свободные соплеменники попадали в разные средневековые формы зависимости от господина, тогда как патриархальное рабство развилось в особую средневековую форму личной зависимости – холопство. Феодальные отношения формировались на основе натурально-денежного обеспечения за службу князю. Таким образом, снимается социологизированно и идеологизированно поставленная проблема рабовладельческой стадии исторического развития и особого значения рабства в историческом развитии европейских народов вне зоны романо-германского этнокультурного синтеза. По-новому решаются вопросы становления на Руси IX–XI вв. государства, систем устного и светского писаного права. Этот путь исторического развития с этно-региональными особенностями был свойственен всем славянским странам, включая изначально многоэтническую Русь, где восточнославянский

этнос имел определяющее социально-политическое значение. Таким образом, позитивистским и догматическим марксистским идеологемам были противопоставлены конкретные наблюдения, обобщившие накопленный в XVIII-XX вв. научный опыт.

В постсталинский период возобновились исследования средневековой культуры, что позволило расширить поле исследований средневековых общественных отношений с учетом их отражения в общественном сознании и культуре. Они велись в отечественной медиевистике еще в 900-е – 20-е годы (И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли, А. Д. Люблинская), но были подавлены в 30-е годы официальным натиском догматического марксизма, превратившегося в экономический материализм, а также идеологизацией исследовательского процесса и террором сталинского режима (Л. П. Карсавин и П. М. Бицилли продолжили это исследовательское направление в эмиграции). В постсталинский период М. М. Бахтин изучал категории народной культуры западноевропейского средневековья и Ренессанса как систему знаков, условного и безусловного. Д. С. Лихачев разработал концепцию «стиля эпохи», свойственного средневековому обществу на разных стадиях его развития, отражение в литературе и искусстве отношений сюзеренитета-вассалитета, феодальные нормы поведения и морали, этикет, символизм и другие формы духовной жизни общества. Другим творческим направлением стало изучение Ю. М. Лотманом семиотики русской культуры средних веков и нового времени. А. Я. Гуревич вернулся к изучению средневековой духовной, в частности, народной культуры, анализируя особенности материального и духовного бытия средневекового человека (в частности, представления о пространстве и времени, о праве, богатстве, труде).

В постсталинский период в изучении истории средневековой России ясно обозначились разные исследовательские тенденции. С одной стороны, все более становилась очевидной искусственность энгельсовской «пятичленки» как теории исторического прогресса. Творческое развитие научных исследований продолжало сдерживать идеологизированное давление партийно-государственного аппарата. Но, с другой стороны, сохранялась традиция академических исследований, которые были основаны на системном использовании исторических источников при обязательном привлечении результатов их источниковедческого анализа. Постоянно расширялась источни-

ковая база разысканий о средневековой истории Руси как следствие введения в научный оборот письменных и археологических источников, накопления опыта использования лингвистических материалов как особого вида исторического источника. Впрочем, идеологизированное воздействие заданных исторических схем сдерживало творческую разработку исторических концепций: в исследовательском процессе постоянно присутствовали работы, исходившие из априорных схем как идеологизированного, так и неидеологизированного содержания.

Основные исследовательские тенденции в новейшей историографии. Кризис созданной И. В. Сталиным командно-распределительной системы, распад в 1991 г. СССР, возвращение к основам рыночной экономики, свобода мнений и слова создали новые условия для творчества российских историков. Новым фактором, воздействующим на исследовательский процесс, стал возбужденный общественный интерес к «утаенной» истории, которая теперь становилась явной. Такой интерес в полной мере оправдан, поскольку многочисленные факты отечественной и всеобщей истории, прежде всего новейшего времени, долгое время оставались скрыты или не изучались вследствие особого рода идеологизации и политизации исторической науки в советский период. Впрочем, общественный интерес к «утаенной» истории начал активно эксплуатироваться в нашей стране в самых разных по происхождению и содержанию целях. Общественно-политическая свобода последнего десятилетия провоцирует некоторых ученых на подмену свободы вседозволенностью. У них, вероятно, еще не сформировалась культура поведения свободного человека, которая подразумевает не только свободу выражения мнений, но также их обоснованность, структурную организованность, широту мышления и самодисциплину. В противоположность унифицированному формационному развитию ныне в разных по общественно-политическому содержанию теориях Россия, в частности в средневековый период, стала обозначаться как особый культурно-исторический тип, который подвергался внешнему воздействию, изменявшему ее внутреннее состояние. Такой подход привел специалистов по истории средневековой Руси, Ю. К. Бегунова и И. Я. Фроянова, в соответствии с принципом целенаправленного отбора и интерпретации исторических источников и фактов, к поискам внешних причин вместо определения внутрен-

них закономерностей развития, к националистической интерпретации отечественной истории. Вновь в историческую литературу вернулись идеи исконного противопоставления «Запада» и России. По мнению В. Т. Пуляева, это происходит вследствие ее «вековых национальных традиций, в которых преобладают не индивидуальные, а коллективные ценности, где основополагающей является не частная собственность, разъединяющая людей, а общинно-государственная собственность, способствующая их объединению». По А. А. Искендерову, автору еще недавно «актуальных» работ по истории революционных и национально-освободительных движений в странах Азии и Африки, это – разные цивилизации, «российская» и «западноевропейская», с их особыми национально-территориальными и духовно-культурными характеристиками, наряду с другими цивилизациями: китайской, японской, североамериканской, скандинавской, африканской, арабской, византийской и т.д. Бросается в глаза отсутствие обоснованных критериев в выделении в таких «цивилизациях» общего и особенного, различающихся в своем содержании конкретных традиций, исторических, национальных, культурных, конфессиональных.

Эти и другие подобные суждения (их анализ мог бы стать темой особого исследования) являются следствием целенаправленного подбора и интерпретации источникового материала в угоду заданной концепции, использования исторических источников без учета результатов источниковедческого исследования, подмены системного анализа аналогиями, отсутствия культуры изучения исторического факта на основе всей совокупности исторических источников, его структурного анализа в связи со всей системой исторических фактов и исторических процессов. Эти недостатки исторических разысканий были, есть и еще, видимо, долгое время будут, пока мнения не являются результатом исследования, а опережают его, когда исторические материалы становятся лишь средством иллюстрации такого априорного суждения. Такие методы откровенно обнажены и доведены до абсурда в недавних сочинениях А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского. Целая библиотека образовалась на основе фальсификата – «Влесовой книги», где «патриотичные» фантазии заменили сложный и трудный путь познания отечественной истории.

Новейшая исследовательская ситуация в исторической науке, относящаяся в полной мере к изучению средневековой

Руси, усложняется процессом освоения новых методов, не только ранее отмеченного цивилизационного, но также исторической антропологии. Они содержат значительные исследовательские *дополнительные* возможности. Между тем содержащиеся в них абсолютизация частного и особенного, отсутствие научно выверенных определений вновь имеет следствием одностороннее изображение сложнейшего в своем содержании исторического прошлого. На этот раз экономическому детерминизму противопоставлено выделение отдельных социальных категорий и понятий из сложной в своем системно-структурном содержании средневековой действительности, имевшей, разумеется, свои традиции, сложившиеся в результате объективных особенностей предшествующего исторического развития. При этом особенно видны следствия утраты в историческом исследовании таких философских категорий, как *сущность* и *явление*, *общее* и *особенное*.

Недоказанное удревнение развитых общественных отношений в Древней Руси, их ошибочные или односторонние характеристики в советской литературе ныне зеркально отразились в исследовательской литературе в их архаизации. Поэтому, по одному мнению, в соответствии со статичными позитивистскими характеристиками систему управления в Киевской Руси едва ли можно назвать государством (Д. Кайзер), по другому – основное содержание социально-экономического и политического процесса в X–XII вв. составило постепенное уменьшение различий между племенами (Дж. Мартин), а по третьему – при понимании истории Руси этого периода как истории княжеского рода «в течение XII в. политическая история усложняется до полной невразумительности <...>», отсюда последователен, но неверен вывод таких авторов: «Пользуясь нашим словарем, мы можем сказать, что «государства» не существовало, но, возможно, были начатки нации» (С. Франклин, Д. Шепард). В последнем подходе особенно ясно сформулировано отрицание сущностных исторических процессов в домонгольской Руси вследствие архаизации древнерусского общества и отрицания в этот период государства.

Отсутствие сущностного анализа феодальных отношений как экономических, социальных и политических связей на основе феода, их определение как синтеза позднеримских и прежде всего германских социально-правовых отношений имело следствием отказ А. Я. Гуревича от ранее сделанных им тонких наблюдений над неземельными феодами в процессе

становления и существования феодальных отношений, к отрицанию феодализма в средневековой Руси. Отсюда его вывод, под которым могли бы подписаться сторонники многих направлений, противопоставлявших по разным общественно-политическим и научным причинам историческое развитие России и «Запада» или понимавших «феодализм» в содержательно ограниченных позитивистских и неокантианских категориях: «Феодализм остается феноменом, характерным для средневекового Запада и чуждым природе тех отношений власти и собственности, которые сложились на Руси». Это мнение А. Я. Гуревича не доказано, поскольку оно не определяет значение ключевого понятия *феод* и не учитывает всю сложность его предшествующего научного обсуждения. Но оно показательное для новейшей исследовательской и общественно-политической ситуации в нашей стране. В протестной форме отрицание феодальных отношений в средневековой или, уже, домонгольской Руси стало следствием неоправданного его удешевления в ограниченном позитивистском или догматическом марксистском понимании. Для националистов разных партийных направлений, сторонников цивилизационных, антропологических и культурологических методов – это одна из форм отрицания единства культурно-исторического развития России в пространстве стран европейского континента. Вновь вокруг концепции феодализма на Руси сложилась не научная, а психологическая обстановка, когда, по словам Н. П. Павлова-Сильванского, «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего тона», а Н. И. Кареев писал: «У нас не было феодализма – такова была господствующая точка зрения нашей историографии. Среди историков было как бы неприлично находить феодализм в России».

Анализ самых разных исследовательских направлений свидетельствует о том, что казалось бы столь далекая от современности тема, как история средневековой Руси была проблемой, которая интерпретировалась самым различным образом. И на нее воздействовали уровень развития исторической науки и методов исторического исследования, общественно-политическое положение страны, социально-политические и философские идеи. Под воздействием внешних по отношению к научному познанию факторов, вследствие «борьбы идей» характеристики средневековой Руси, ее общественного строя

приобретали противоположное содержание, что производило впечатление «маятника» – от одной крайней позиции к противоположной. Вместо обстоятельного анализа истории исторических идей как содержания познания исследовательского процесса, накопления научных знаний во все периоды истории исторической науки в их научной преемственности появилось желание оценить труд научных предшественников, по словам А. Я. Гуревича, как «перевернутую страницу».

Накопленный почти за 300 лет опыт научного изучения средневековой истории России, коллективный исследовательский опыт научного познания позволяет поставить новые аналитические задачи и предложить новые методы, не противопоставляя их предшественникам как следствие «борьбы идей», а в полной мере используя их в изучении давней научной проблемы. Определяющим в современном научном подходе к ее анализу является системно-структурный метод. Он доказал свои неограниченные возможности в исследовании живой и неживой природы. Особенно впечатляющи его результаты в новейшее время в лингвистике и биологии. Видимо, пришло время рассматривать также историю общества как целостную и самодостаточную систему (синхронно) в ее постоянном изменении во времени (диахронно). Отсюда – особое значение системно-структурного метода при анализе общества во всех формах его бытия, материального, социального, политического и духовного. Столь же важен метод генетический, позволяющий конкретно проследить эволюцию общества как системы в целом, так и составляющих ее подсистем и отдельных элементов. Опыт исторических исследований указывает также на необходимость последовательного применения типологического и сравнительно-исторического методов, раскрывающих общее и особенное в историческом развитии средневековой Руси в контексте исторических судеб европейских стран, ближних и дальних, с которыми она была органично соединена своей эпохой.

Столь же существенно последовательное применение системно-структурного метода и по отношению к предшествующему исследовательскому опыту. Научные школы, сменявшие друг друга на протяжении последних трех столетий, по большей части утверждали себя, опровергая методы и наблюдения предшествующих направлений. Можно было бы составить энциклопедию накопленных всеми научными направлениями конструктивных наблюдений, но отвергнутых или «забытых» в

борьбе идей, разных научных и общественно-политических направлений. Природа этого феномена научного познания исторического процесса заключается в том, что каждое аналитическое направление открывало и изучало «свою» составную часть исторической действительности. Проблемы возникали тогда, когда существовавшие в исторической действительности отдельные экономические, социальные и политические институты, категории и процессы данными научными направлениями абсолютизировались, оказывались определяющими в анализе и других составных частей исторической действительности, вследствие чего такие методы становились объектом обоснованной критики. Между тем, при гегелевском диалектическом понимании процесса познания как приближения к объективной истине выясняется, что все предшествующие исследовательские направления внесли свой конструктивный вклад в научное изучение исторической действительности, а их опыт, позитивный и негативный, является наследием, сохраняющим свое значение для последующих поколений.

Критерием объективности научного анализа является также привлечение всех видов исторических источников с учетом их источниковедческого анализа. В равной мере необходимо изучение всех исторических фактов как в их внутренней структурной организованности, так в их взаимных структурных связях в отличие от предшествующих периодов определяющего значения историософских концепций, в соответствии с которыми осуществлялись отбор и анализ информации исторических источников. Все исторические факты в их внутренней структурной организованности являются органической составной частью многообразной исторической действительности, так что их изучение в конкретной системе также является одним из критериев объективности научного анализа.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в. М., 1985.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбил. науч. Сессии. Секция ист. наук. Л., 1948 (переизд.: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб.,

2000. С. 7-106).

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд. М., 1986.

Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.

Гуревич А. Я. Из выступления на защите докторской диссертации А. Л. Юрганова // *Одиссей*. 2000. М., 2000.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич А. Я. Подводя итоги... // *Одиссей*. 2000. М., 2000.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гуревич А. Я. Проблемы средневековой культуры. М., 1981.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.): Курс лекций. М., 1999.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб., 1871.

Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // *Вопросы истории*. 1996. № 4.

История и антиистория: Критика «Новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М., 2000.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. I.

Кареев Н. 1910. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910.

Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

Кром М. М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада. М., 1992.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы: Эпохи и стили. Л., 1973.

Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958.

Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I-III.

Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // *Средние века*. 1968. Вып. 31.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 5-е

изд. М., 1902. Т. 1.

Неусыхин А. И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1.

«Новая хронология» древней Руси глазами историков // «Английская набережная, 4». СПб., 2001. С. 5–40 (статьи О. В. Творогова, С. В. Белецкого, М. Б. Свердлова).

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1; 1965. Ч. 2; 1971. Ч. 3.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. III.

Полевой Н. История русского народа. М., 1829.

Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909 (переизд.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подг. текста, ст. и прим. М. Б. Свердлова. М., 1993).

Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.

Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

Пуляев В. Слово к читателю // *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян: (VI–X вв.). СПб., 1996.

Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Пг.; М., 1919. Т. 1; 1923. Т. 2.

Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947.

Рубинштейн Н. А. Русская историография. М., 1941.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907 (переиздание см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России / Статьи С. О. Шмидта и С. В. Чиркова. Прим. С. В. Чиркова. М., 1988. С. 4–149).

Фоменко А. Т., Носовский Г. В. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима: Факты. Статистика. Гипотезы. 2-е изд. М., 1996. Т. I (см. также другие издания).

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян: (VI-X вв.). СПб., 1996.

Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997.

Фроянов И. Я. Погружение в бездну. 2-е изд., 2001.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в историографии 60-70-х гг. XIX в. Л., 1971.

Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986.

Черепнин Л. В. Основные формы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4.

Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М., 1993.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Юшков С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1924. Т. 1. Вып. 4.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЧАЛА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Объективные закономерности исторического развития Руси раскрываются при их изучении не с IX в., с деятельности Рюрика, не с VI–VII вв., так называемого «антского периода», а с расселения в Европе индоевропейцев (проблемы этнической идентификации археологических культур обсуждаются археологами).

Индоевропейские истоки славян, в частности, русских, а также многочисленных романских и германских народов Европы (здесь и далее мы рассматриваем европейские народы и государства, в контексте исторического развития которых происходило становление и развитие Руси до XIII в.) постоянно прослеживаются и в наши дни в словах *мать, брат, сестра*, в числительных от 1 до 10 и в многих других явлениях культуры. Славяне – одна из ветвей обширного индоевропейского мира. Индоевропейцы расселились в Европе в III–II тыс. до н. э. на стадии позднего бронзового и раннего железного века. У индоевропейцев существовала комплексная экономика, основанная на пашенном земледелии, животноводстве, сельских промыслах (охота, рыболовство, бортничество – сбор меда диких пчел). Они использовали колесные и водные средства передвижения. Все это позволяло приспособлять им свои экономические потребности к многообразным почвенно-климатическим условиям в процессе расселения. Индоевропейцы жили в оседлых поселениях, укрепленных и неукрепленных, состоящих из домов, представлявших собой жилища, объединяющие людей по определенным семейным и социальным признакам, с ‘главой дома’ и со ‘служителями’. Это была патрилокальная, экзогамная *большая семья*, которая осуществляла право кровной мести.

Греческие и италийские племена интенсивно развивались в зоне активного этнического и культурного взаимодействия в

Средиземноморье, создав в I тыс. до н. э. – первой трети I тыс. н. э. античные рабовладельческие цивилизации. Для них была характерна трансформация мягкого по формам эксплуатации патриархального рабства, в котором находились только пленные иноплеменники, в рабовладение – превращение рабов в орудие труда, которое включалось в систему общественного производства. В соответствии с таким реальным положением рабы юридически были отнесены к вещному праву. Античное рабство формировалось одновременно с появлением городов-государств – полисов при запрещении разных экономических и внеэкономических форм зависимости политически равноправных граждан, при запрещении превращать их в рабов, которыми становились только чужеземцы.

Этногенез, социально-экономическое и политическое развитие германцев, славян, балтов и других индоевропейских народов, расселившихся к северу от Средиземноморья в лесной зоне Европы, происходили более медленными темпами. Но в III в. н. э. германцы, а в V-VI в. славяне широко включились в так называемое Великое переселение народов в результате закономерностей их внутреннего развития на поздней стадии племенного строя. Образовывались межплеменные союзы, которые вытесняли соседние племена с занимаемых территорий. Племена делились в результате внутренних раздоров, а отделившиеся их части под руководством князей переселялись на новые территории. Включение племен в Великое переселение народов происходило также вследствие экономических факторов: экстенсивного земледелия и внутреннего относительного демографического давления, поскольку численность населения росла быстрее, чем площади освоенных пахотных земель, ограниченных легкими почвами речных и озерных долин вследствие архаичности пахотных орудий. По всем этим причинам славяне расселились к VI в. от Эльбы и Савы до Дона, от Псковского озера и Ильменя до Дуная.

Как следует из анализа письменных и археологических источников, лингвистических и сравнительно-исторических материалов, экономика славян в этот период была комплексной. Ее основу составляло пашенное земледелие, животноводство, сельские промыслы и ремесла, что позволяло ее приспособлять ко всем почвенно-климатическим условиям, в которых оказывались славяне в процессе расселения. Эта структура экономики, как и язык, и культура продолжала индоевропейскую традицию.

Общественный строй славян характеризовался основными институтами и социальными категориями позднего племенного строя. Верховным органом самоуправления и суда являлось народное собрание, участниками которого являлись мужчины. Все члены племени были свободны и равноправны. Но существовала племенная знать по происхождению (из знатных родов), по мудрости и по мужеству. По преимуществу из знатных людей племени избирался на народном собрании князь. Наряду с советом старейшин из знати он руководил ежедневной жизнью племени. Князь содержал дружину – свободных людей, которые ему служили в качестве воинов-профессионалов на моральных принципах дружбы-службы. Члены дружины должны были быть верны князю, тогда как он являлся их предводителем в военных действиях, обеспечивал их оружием и конями, а в мирное время также кормлениями в виде пиров, раздач продовольствия. Когда не было войны, члены племени добровольно приносили князю и его дружине продовольствие – *дар*, тогда как у дружинников, постоянно занятых военным делом и княжеской службой, появилось презрение к физическому труду. Но этот *дар* был социально обусловлен *отдаром* князя и его дружины – осуществлением безопасности племени.

Семьи являлись большими, патриархальными, состоявшими из хозяйственно автономных малых семей, но с коллективной большесемейной имущественной и правовой ответственностью. В состав такой семьи наряду со свободными *мужами* и *женами* входила *челядь* – младшие и еще неполноправные *отроки* и *дети*, *патриархальные рабы* и, вероятно, в знатных родах (по лингвистическим материалам) – *слуги* и *сироты*, обедневшие и утратившие семейные связи члены племени.

Важно точное определение характера эксплуатации патриархальных рабов в господском хозяйстве, поскольку многие поколения историков видели в них начало рабства на Руси. Эта зависимость была мягкой по внешним формам. Патриархальные рабы – только пленные. У славян они могли продаваться, но по прошествии определенного времени они освобождались и могли стать полноправными членами племени (у германцев отпущенные на свободу патриархальные рабы являлись неполноправными вольноотпущенниками). Патриархальные рабы использовались в качестве вооруженных слуг, пастухов или наделялись землей, на которой они вели свое хозяйство и платили от него оброк господину. У таких рабов были свои семьи. Но в правовом отношении господин (*господин* –

понятие праславянского периода) полностью распоряжался жизнью и имуществом патриархального раба. Раскрытие реального содержания имущественного и правового статуса патриархального рабства показывает упрощенность давнего мнения о первоначальном делении на сословия или классы рабов и рабовладельцев как всеобщей закономерности с последующим развитием рабовладения, что произошло в Европе только в античной цивилизации. В условиях развитого железного века вне зоны романо-германского синтеза у славян патриархальное рабство эволюционировало в холопство (см. далее).

Таким образом, в позднем племенном обществе свободных, еще полноправных и социально равноправных членов племени сложились три подсистемы со значительными возможностями дальнейшей эволюции: простые свободные соплеменники и племенная знать, князь и его дружина, господское хозяйство. В этих подсистемах образовались также генетические «механизмы» будущей дифференциации общества: 1) еще добровольные подати свободных соплеменников князю и его дружине, 2) в господском хозяйстве челядь – патриархальные рабы и свободные, но подчиненные господину люди. Эта социально-экономическая структура в условиях развитого железного века у германцев, славян и других индоевропейских народов лесной зоны Европы закономерно становилась в V–IX вв. основой иных форм общественного строя, чем рабовладельческий, столь же закономерно развившийся у греческих и италийских племен в рабовладение на стадии позднего бронзового и раннего железного века в зоне Средиземноморья.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Ю. В. Раннегреческий полис: (Гомеровский период). Л., 1976.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультура. Тбилиси, 1984. Кн. 1, 2.

История Европы. М., 1988. Т. 1: Древняя Европа.

Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.

Литавин Г. Г. Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999.

Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Топоров В. Н. Индоевропеистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 182–186.

Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 9–16 (см. там же литературу проблемы).

Encyclopedia of Indo-European Culture / Ed. J. P. Mallory and D. Q. Adams. London and Chicago, 1997.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (VIII – конец IX в.)

Восточнославянские племена, расселившиеся в VII–IX вв. вдоль обширных речных систем на пространствах Восточной Европы, сохраняли традиционную для славянского мира комплексную структуру экономики, основанную на пашенном земледелии. Широкое использование орудий из железа, прежде всего кованых наральников и сошников, распространение двухполья и трехполья, развитие сельских промыслов и ремесла способствовали распаду патриархальных больших семей и появлению хозяйственно самостоятельных малых семей с индивидуальной и в редких случаях малосемейной правовой и имущественной ответственностью. Эти малые семьи объединялись в *соседские общины, неразделенные отцовские и братские семьи* при индивидуальной юридической ответственности их членов. Уже в племенном обществе существовал осознанный отказ от кровной мести с правом выкупа за убийство, так что с образованием соседских общин и неразделенных семей возможности ограничения кровной мести укреплялись еще более.

В конце VIII–X в. Восточная Европа не была глухим углом Европейского континента. В 70-е – 80-е гг. VIII в. начал активно функционировать великий транзитный Волжско-Балтийский путь, по которому в Восточную Европу и страны Балтийского моря поступали огромные массы восточного серебра. На рубеже VIII–IX вв. был освоен по Волхову и Днепру Балтийско-Черноморский путь, который в первой трети IX в. был дополнен ответвлением по Западной Двине. В начале X в. фиксируются сухопутные пути из Среднего Поднепровья на Берестье (Брест), Галицию и Волынь с последующим направлением на Краков – Прагу – Средний Дунай. Активная торговля, развитие ремесел (в IX – начале X в. повсеместно распространился гончарный круг с массовым ремесленным

производством керамики на заказ и на продажу) способствовали развитию племенных центров в города – центры ремесла и торговли, появлению городов с функциями укрепленных опорных пунктов на торговых путях. Равнинный рельеф Восточной Европы, сеть объединяющих ее районы полноводных и судоходных рек, по которым, как и по суше, пролегли великие транзитные и внутренние пути (на что обратили внимание еще С. М. Соловьев и В. О. Ключевский) стали объективными факторами, способствовавшими образованию огромного по размерам многоэтничного Русского государства, в котором определяющее экономическое, социальное и политическое значение имели восточные славяне.

Название этой обширной страны стало одно и обобщающее – *Русь, Русская земля* (земля – с дополнительным значением *государство*). Понятия *Украина, Белоруссия* появятся в особых исторических условиях и этногенетических процессах XIV–XV вв. Поэтому период IX–XIII вв. является единым для современных русского, украинского и белорусского народов, тогда как в состав Русского государства в X–XII вв. входили, по подсчетам В. Т. Пашуто, 22 народа.

Этнополитические и социально-экономические процессы вели к распаду племенного строя. В VII–IX вв. появились новые образования – межплеменные союзы и племенные княжения. Межплеменные союзы формировались в результате внутреннего развития и внешних факторов (вероятно, дулебский союз в Предкарпатье в VII–VIII вв. в результате натиска аваров; союз полян и северян с центром в Среднем Поднепровье – в борьбе против Хазарского каганата в конце VIII – начале IX в.; межэтничный союз словен, кривичей и мери – для контроля над северо-западной частью Волжско-Балтийского пути и защиты от нападений скандинавов). Для племенных княжений стала характерна определяющая роль князя и знати, хотя в них еще сохранялись и развивались племенные институты, в частности народное собрание.

Трансформация восточнославянского общества вела к внутренне обусловленному образованию государства. В этот процесс в середине VIII – середине IX в. включились скандинавы. Вероятно, в середине VIII в. начались их мирные переселения в Восточную Европу (в Ладуге – центре взаимодействия восточнославянской и финно-угорской культур этим временем датируется появление скандинавских артефактов, предметов, сделанных человеком). С началом Эпохи викингов

в конце VIII – первой половине IX в. на Восточную Европу как и на другие регионы Европейского континента распространяется завоевательная экспансия норманнов (в Восточной Европе – прежде всего шведов, тогда как датчане и норвежцы отпоявлялись в походы преимущественно на Запад). Они наложили дань на северо-западное межплеменное объединение словен, кривичей и мери. Те восстали против варягов ок. 860 г. Но затем между ними начались междоусобные распри, что привело к избранию ими князем конунга Рёрика.

Этот мужественный правитель напаял на Западнофранкское королевство из Фрисландии (на территории современной Голландии и северо-западной части Германии), за что франки вынудили его оттуда переселиться. С дружиной и близким окружением («домом») он был вынужден отправиться в Ютландию (современную Данию). Изгнанный франками и оттуда он был вынужден переселиться, вероятно, в Среднюю Швецию. Избрание князем именно Рёрика являлось мудрым политическим решением, поскольку он не был шведом и должен был решать те задачи, которые стояли перед славяно-мерянским объединением, что он и делал, включая защиту земель от скандинавских нападений. Показательно, что в Ладоге и Бирке, столице Средней Швеции IX–X вв., в результате археологических исследований найдена фризская керамика того времени. Это может свидетельствовать о переселении Рюрика по уже известным путям фризских купцов, лучших мореплавателей того времени.

Что касается известных по преданию, записанному в Повести временных лет (далее – ПВЛ), его «братьев», Синеуса и Трувора, то это – обычные для фольклора сюжеты «три брата» и «призвание» князя-правителя. Отсюда – необычные для скандинавской ономастики имена «братьев» исторически и по имени достоверного Рюрика. Восходят они, как давно было отмечено, к выражениям *sinn hus* – ‘свой дом’, а также *tri* – ‘вера’ и *var* – ‘договор’ (ср. ‘варяги’) со склонением основы на *o* → в значении ‘верная дружина’. Отсюда следует, что, согласно преданию, отразившемуся в именах легендарных братьев Рюрика, он прибыл на Русь «со своим домом» (близким окружением и слугами) и «верной дружиной» (служилыми людьми). Но фольклорное предание не случайно «поместило» легендарных Синеуса на Белоозере, и Рюрика в Изборске. К середине – второй половине IX в. относятся находки там скандинавских артефактов. Таким образом, можно полагать, что в

такой форме отразилась завоевательная деятельность Рюрика, местом поселения которого стала Ладога: он подчинил своей власти псковских кривичей и финно-угорский народ весь.

Раскрытое таким образом содержание исторического процесса позволяет по-новому решить так называемую «норманнскую проблему», которая обсуждается, иногда крайне остро, уже 250 лет. Исследователи ранее полагали, что имело место завоевание или призвание варягов. По нашему мнению, произошло избрание князя, т.е. была реализована давняя славянская традиция, восходившая истоками к позднему племенному строю. Этническая принадлежность избранного князя не имела при этом никакого значения (западные славяне избрали в VII в. князем франка Само). В давней дискуссии «норманистов» и «антинорманистов» правы оказались обе стороны: первые – в признании скандинавов и их роли в политической истории Восточной Европы IX в., вторые – в признании внутренних объективных закономерностей образования Русского государства. Но обе стороны оказались не правы в своих крайних суждениях: первые – в тезисе об образовании Русского государства норманнами, вторые – в отрицании их определенной роли в этом процессе. При этом патриотическая позиция «антинорманистов» приводила к обратному результату – она исключала Восточную Европу и Русь из общеевропейских процессов, превращая их в некую зону, изолированную от других европейских регионов, где скандинавы играли в это время активную политическую роль.

Как следует из преданий о Рюрике (восточнославянская форма скандинавского имени Рёрик), он решал ту задачу, которая стояла перед формирующимся изначально многоэтничным государством, включавшим местные восточнославянский, балтский, финно-угорский этносы и переселявшихся из Скандинавии варягов (мнения о балтийско-славянской, кельтской, готской и т.д. принадлежности варягов не представляются убедительными): он способствовал дальнейшему политическому объединению северо-западных земель Восточной Европы, где был князем.

После смерти Рюрика сложилась, видимо, та династическая коллизия, о которой сообщают древнейшие русские летописные своды. Вместо малолетнего Игоря Рюриковича князем-правителем стал его дядя (вероятно, традиционно дядя по матери как самый близкий к воспитанию княжича человек) Олег (Олег и Игорь – восточнославянские имена, производные от

скандинавских). Он был, судя по политическим и военным действиям, энергичным и талантливым руководителем. Олег продолжил строительство формирующегося северо-западного государственного образования. Он укреплял существовавшие ранее на торговых путях открытые торгово-ремесленные поселения оборонительными сооружениями и строил новые крепостные центры – «ставил города» (*город* в прямом смысле – ‘оборонительное укрепление’, в широком значении – ‘торгово-ремесленный, военный, административный, идеологический центр, защищенный оборонительными сооружениями’). В города он назначал посадниками своих приближенных людей – *мужей*, что становилось началом формирования княжеского административно-судебного аппарата.

Олег был талантливым стратегом. Сначала он подчинил своей власти группировку смоленских кривичей, после чего государственное образование в Среднем Поднепровье полян, во главе которых находились в 30-е – 70-е годы IX в. скандинавские конунги Аскольд и Дир (они правили в разное время), было обречено. По летописной хронологии, в 882 г. Олег завоевал Киев и сделал его стольным городом. Начался новый период в истории Русского государства – Киевская Русь.

Понятием *Киевская Русь* обычно обозначают в литературе так называемый «домонгольский период» истории Русского государства, то есть до первой трети XIII в. Между тем такая периодизация не раскрывает всей сложности происходивших в это время политических процессов. В отличие от характеристики так называемого «домонгольского периода» как единого в своем содержании более обосновано его деление исследователями на два этапа: политически единое в средневековом значении этих понятий государство (при наличии многоэтничного населения и социально-экономически автономных регионов) со столицей в Киеве, Киевскую Русь, – по первую треть XII в. и политически раздробленное Русское государство или «Русскую землю», как она названа в письменных памятниках того времени, – со второй трети XII в. При таком подходе в периодизации Киевской Руси можно раскрыть динамику ее исторического развития. Она прошла три периода – становление, подъем политического могущества и дезинтеграцию.

Происхождение названия нового государства – *Русь* – недостаточно ясно, что стало причиной почти трехвековой дискуссии по этой научной проблеме, перераставшей подчас в вопрос национального престижа. Одни исследователи связы-

вают происхождение этого этнонима и названия страны со Средним Поднепровьем и объясняют его этимологию как следствие славяно-иранского этнокультурного взаимодействия аланской, сармато-аланской, иранской основой, формой которой является *рос*. Другое направление разрабатывает теорию скандинавского происхождения этнонима *русь*, его первоначальной локализации на северо-западе Восточной Европы (от Ruotsi – обозначение в финской среде мореходов-гребцов преимущественно из Средней Швеции с последующим названием в финских языках Швеции и шведов). Третья концепция исходит из независимости корневых основ *рос*- и *рус*-, а также производных от них. Есть также мнения о происхождении этнонима и хоронима *Русь* от прибалтийских славян, кельтов, готов. Наиболее убедительной представляется концепция разного происхождения корней *рос*- и *рус*-. Достоверное известие под 839 г. Бертинских анналов фиксирует форму Rhos для обозначения народа, каган которого отправил послов к византийскому императору Феофилу и которые прибыли позднее к франкскому императору Людовику Благочестивому. Локализация этого хоронима относится к зоне древнего славяно-иранского взаимодействия в Среднем Поднепровье, тогда как *Русь* в данный период относилось, как убедительно показано в исследовательской литературе, к северо-западной восточноевропейской зоне шведско-финских и славянских связей. В этнополитическом процессе становления Русского государства это второе понятие приобрело также социальное значение и распространилось как обозначение молодого государства в целом с конца IX в.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.

Горский А. А. Проблема происхождения названия «Русь» в современной советской историографии // История СССР. N 3. 1989.

Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина

IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968 (Материалы и исследования по истории СССР. № 152).

Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Свердлов М. Б. Дополнения // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

СТАНОВЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Учреждение княжеского стола в Киеве перенесло центр политической активности Русского государства на юг. Олег начал подчинять радиальными походами из Киева соседние восточнославянские племена древлян, уличей, тиверцев. Освободив от хазарской зависимости северян и радимичей, он подчинил их своей власти. Олег продолжал укреплять государство строительством городов, устанавливая в них административно-судебное управление княжеских посадников. Существовала единая денежная система, состоявшая из серебряных *гривен*, меховых денежных эквивалентов – *куни* и *куниц* и *вевериц*-белок. Привозные серебряные арабские монеты – дирхемы стали реальным содержанием денежной фракции – *ногаты*. Эти деньги обеспечивали не только товарно-денежные отношения, но и податную систему. Куница или белка (мех и денежная единица) взимались ежегодно от *дыма* дома – хозяйства малой семьи. Это была сложившаяся на Руси, но распространенная во всей Европе, податная система – *подымное*. Видимо, во второй половине X в. она была дополнена податным обложением с пахотной земли, которую распахивал один плуг – *поплужное*. Поскольку подымное взималось регулярно, фиксировано по размеру и с определенной единицы обложения, то нельзя согласиться с мнением, что это дань завоевателя с завоеванного народа. Такое мнение не доказано архайзирует общественно-политические отношения на Руси X в. К тому же оно не учитывает, что слова *дань*, *дани* являлись в средневековой Руси названием государственных податей до XVI в.

Политически и административно-судебно Русское государство возглавляла династия Рюриковичей. Она обладала высшими публично-правовыми властными функциями. Племенные князья еще находились во главе входивших в его состав племенных княжений, но они находились «под рукою» киевского князя, то есть в вассальной зависимости от него. Титул

великий князь, видимо, использовался по отношению к Олегу и Игорю как величальный, выделяющий его из прочих князей великокняжеской семьи и князей входивших в состав Руси племенных княжений, таких как древлянский князь Мал. Прямое административно-судебное управление и централизованный сбор податей осуществлялись посредством *полюдья* – разезда из Киева князя и его приближенных мужей с дружинами (служилыми людьми) в зимнее время, с ноября по апрель, по племенным княжениям. Понятие *дружина* являлось как и ранее обобщающим названием служилых князю людей. В этом своем значении по форме и по содержанию оно было синонимично западноевропейскому социальному термину *fideles* – ‘верные’. Княжеская дружина состояла в это время из двух слоев, высшего – *мужей* («старшая дружина») и низшего – *отроков* («младшая дружина»). Средством материального обеспечения князя, его приближенных мужей и других членов дружины являлся во время полюдья *корм*. Собираемые от племенных княжений подати или часть их передавались князем приближенным мужам, членам старшей и младшей дружины из казны или в виде прямых натуральных и/или денежных поступлений за службу, исполнение военных и административно-судебных обязанностей, что превращало эти подати и обязанности в феодалы-деньги и феодалы-должности. Это натурально-денежное обеспечение становилось началом феодальной системы общественных отношений в формирующейся государственной структуре (см. далее). В хозяйствах местной знати продолжал использоваться труд *челяди* – пленных и соплеменников, находившихся в разных формах зависимости.

Таким образом, Русь стала в конце IX – начале X в. «варварским» или *потестарным* (от понятия *potestas* – ‘власть’) государством, объединенным верховной военно-политической и административно-судебной властью одной княжеской династии, но с сохранением зависимых от них племенных князей и автономных структур племенных княжений. Новое государство имело мощный военно-политический потенциал. Оно могло поставить новую задачу – не разрозненные нападения на богатые византийские города для их грабежа, как ранее в IX в., а принуждение Византийской империи к обеспечению максимально благоприятных условий для русских купцов в центре мировой торговли того времени – Константинополе. Эту задачу решил князь Олег походом с огромным войском на столицу

империи в 907 г. и заключением мира в 911 г. По летописной хронологии, его смерть последовала в 912 г.

Выросший во время правления Олега Игорь Рюрикович стал князем уже взрослым человеком (как много позднее Павел I после долгого правления Екатерины II). Но он был, судя по деятельности, менее талантливым, чем его дядя. Он подавил восстание древлян, еще стремившихся, видимо, к независимости. Когда после истечения обычного для таких соглашений тридцатилетнего срока византийцы перестали исполнять условия договора 911 г., Игорь собрал огромное войско, но потерпел во время похода на Константинополь в 941 г. полное поражение, несмотря на мужество русских воинов. Повторный грандиозный поход 944 г. заставил византийцев заключить мир с Игорем, не дожидаясь нападения на столицу. Условия нового мира по-прежнему имели прежде всего экономическое содержание, тогда как Русь оставалась для византийских императоров равноправной договаривающейся стороной.

В своей бесславной гибели в результате восстания древлян во главе с князем Малом Игорь был виноват сам: он увеличил подати и пытался собрать их дополнительно (по летописной хронологии в 945 г.). Но его смерть указывала на то, что административно-политические структуры «варварского» или потестарного государства к середине X в. себя уже изжили. Были необходимы реформы для его реорганизации. Их предприняла вдова Игоря княгиня Ольга, которая стала регентом при малолетнем Святославе Игоревиче.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Литаврин Г. Г. Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.

Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995.

Плетнева С. А. Хазары. 2-е изд. 1986.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.

ПОДЪЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО МОГУЩЕСТВА КИЕВСКОЙ РУСИ (середина X в. – 70-е годы XI в.)

Княгиня Ольга заменила племенное деление государства территориальным – по погостам в сельской местности и по городам с волостями. Князья-наместники и посадники в городах, назначенные или выбранные, но утвержденные княжеской властью старосты в погостах в равной мере стали осуществлять прямое княжеское административно-судебное управление. Племенные князья должны были, лишаясь своих княжеств, поступать на вассальную службу киевской княжеской династии или они уничтожались. Племенные народные собрания перестали существовать, тогда как самоуправление было ограничено сельскими общинами, а также городскими кончанскими и уличанскими вечевыми собраниями, поскольку города были еще социально и экономически слабы, подчинялись княжеской власти и управлялись княжеской администрацией. Реформа княгини Ольги завершила строительство новой государственной системы с основными институтами, свойственными Русскому государству и в последующие периоды: 1) публичная власть (династия Рюриковичей и княжеский административно-судебный аппарат); 2) территориальное деление; 3) регулярно взимаемая фиксированная система налогов и повинностей; 4) правовая система (основным источником права являлась Русская Правда, статьи которой были использованы в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.); 5) княжеское войско и воинская повинность вместо племенного воинского права-обязанности.

Создание единой государственной системы объективно требовало религиозно-идеологического завершения. Княгиня Ольга мудро решила использовать для решения этой задачи возможности христианства как монотеистической религии, идеология которой была близка новому формирующемуся

строю: на небе – один Бог, в государстве – один правитель («Царь царей и Господь господствующих»; Откр. XIX, 16). Христианство распространялось в восточнославянских землях с первой половины IX в. Анализ исторических источников позволяет конкретизировать содержание этого процесса.

Случалось, что во время походов на Византию князья и их дружины принимали крещение. Но этот путь распространения христианства «сверху» еще не создавал устойчивой традиции христианизации вследствие полного господства язычества у восточных славян. Другой путь, «снизу», заключался в крещении простых людей, пленников и наемников, купцов и их челяди, которые оказывались в христианских странах, прежде всего в Византии. Они добровольно принимали религиозно-нравственные ценности христианства, а потому от него уже не отрекались. Христиане из других стран, преимущественно из византийских и хазарских владений, из Скандинавии также собирались в общины. Судя по существованию в 944 г. соборной церкви пророка Ильи, в Киеве существовало несколько христианских общин, объединенных по принципу национальной или конфессиональной (формирующейся православной и католической) принадлежности. В литературе давно отмечена образная близость пророка Ильи и Перуна, что привело к появлению в христианский период синкретического громовержца-пророка Ильи на колеснице. Но отсюда также следует, что киевские христиане максимально приблизили посвящение соборной церкви к наиболее почитаемому в Киеве Перуну. Эти наблюдения можно развить. Пророк Илья был борцом с языческими капищами и жрецами (III Цар. XVIII, 1-40). Отсюда следует, что христианские общины Киева занимали активную позицию по отношению к язычеству. Это вело к дальнейшему распространению христианства на Руси, тогда как христиане занимали все более влиятельное положение в княжеских властных структурах, судя по их участию в заключении русско-византийского договора 944 г. в отличие от договора 911 г.

Княгиня Ольга не только приняла крещение в Киеве. Во второй половине 40-х – 50-е годы она попыталась учредить епископию. Реорганизованное при Ольге государство имело для этого новые возможности. Между 946 и 957 гг. (мнения исследователей расходятся) княгиня совершила путешествие в Константинополь, где приняла крещение, вероятно, повторное, от императора Константина Багрянородного, что придавало особую значимость этому факту. Для укрепления церков-

ной организации, превращения ее в епископию она, видимо, попросила прислать епископа и священников, в чем ей было отказано. Тогда, талантливо играя на политических и религиозных противоречиях Византийской и Священной Римской империй, она отправила в 959 г. послов с аналогичной просьбой к германскому королю, с 962 г. императору, Оттону I Великому (участник этих событий, русский миссийный епископ, позднее первый магдебургский архиепископ Адальберт назвал Ольгу «королевой ругов (русов)'). Только в конце 961 – начале 962 г. после неожиданных осложнений (его предшественник Либуций, поставленный на Русь миссийным епископом, умер во время сборов в дальнейшее путешествие) епископ Адальберт со священниками прибыл на Русь. Но попытка организовать на основе существовавших христианских общин епископство не удалась. Повзрослевший князь Святослав отказался креститься. В 962 г. он изгнал из Киева Адальберта и его священников, вероятно, отстранил мать от управления и создал для христиан неблагоприятные условия на Руси. Эти действия князя объясняются, видимо, не ненавистью Святослава к христианству, а княжеским планом великого Восточного похода, для чего ему нельзя было на долгое время оставить страну, раздираемую религиозными противоречиями.

Война с Хазарским каганатом позволила сразу решить многочисленные политические и экономические задачи Русского государства. Святослав подчинил племенное княжение вятичей, еще платившее дань хазарам. Он разрушил столицу зависимых от каганата волжских болгар, контролировавших Среднее Поволжье, и разгромил сам каганат. В результате военной кампании 964–966 гг. Святослав освободил от хазарского контроля Волжский и Донской торговые пути на Восток, в Азовское и Черное моря. Он захватил крепость Саркел, установив контроль над нижним Подоньем, и Таманский полуостров, выйдя к крымским владениям Византии.

Успех Восточной кампании свидетельствовал о значительных новых стратегических и военных возможностях Русского государства, и Святослав попытался их развить в полной мере. При этом он проявил незаурядное понимание политических и дипломатических задач. Святослав заставил царя Восточно-Болгарского царства Петра II заключить с ним союз и успешно начал военные действия против Византийской империи. Только с максимальным напряжением сил, после дворцового переворота, во время которого был убит император Никифор Фока

и воцарился талантливый полководец Иоанн Цимисхий, русское войско было вытеснено с Балканского полуострова и осаждено в городе Доростоле на Дунае. После героической обороны Святослав заключил в 971 г. почетный мир с императором. Но война против Византии была проиграна, поскольку русское войско находилось далеко от своей основной базы – Русского государства, тогда как Византийская империя и ее армии оставались еще сильными.

После гибели Святослава во время засады печенегов в днепровских порогах в 972 г. Русь оказалась во власти братоубийственной борьбы его сыновей – старшего Ярополка, князя Киевского, с древлянским князем-наместником Олегом и новгородским князем-наместником Владимиром. Это кровопролитие стало следствием не столько честолюбия Святославичей, сколько экономических причин и сложившейся традиции политического единства власти. Новгород в это время являлся политическим и идеологическим центром Северной Руси как составной части Русского государства, заменив в этой функции Ладогу. Он занимал важнейшее стратегическое положение, контролируя Балтийско-Волжский и Балтийско-Черноморский пути, а потому от него поступали в княжескую казну ежегодные значительные доходы – две тысячи гривен (102 кг серебра при расчетном весе гривны 51 г или 398 кг серебра при весе гривны 196 г.). Но интенсивно использовавшийся Балтийско-Черноморский путь («из варяг в греки») мог функционировать только тогда, когда он контролировался единой властью. Древлянская земля, где погиб дед Святославичей князь Игорь, была не только мятежной. Она контролировала западное направление торговых путей из Среднего Поднепровья. Поэтому, если при Святославе его сыновья, князья-наместники, являлись гарантами политического единства страны, то после его смерти заложенные в экономической и политической организации Русского государства факторы этого единства столь же закономерно становились причиной междукняжеской борьбы за единовластие на Руси.

В братоубийственном соперничестве победил Владимир. Как киевский князь он талантливо продолжил то, что делали его предшественники по киевскому столу и династии. Он расширил пределы государства, завоевав Галицию и Волынь, через которые сухопутный торговый путь вел в страны Центральной Европы. Вместе с тем Владимир упредил экспансию в этот важный в стратегическом, экономическом и политиче-

ском значении регион могущественного польского князя Болеслава Храброго, который в это время активно расширял во всех направлениях пределы своего государства. опередил он Болеслава и в подчинении прусского племени ятвягов, что способствовало защите западных рубежей Руси как политически единого государства. Он подавил восстания радимичей и вятичей, стремившихся, по-видимому, к независимости или пытавшихся отстоять свои давние институты племенных княжений. Сохранил Владимир и традиции сильной центральной власти. Поэтому около 30 лет после его кончины Иларион, еще до поставления в митрополиты, писал о Владимире Святославиче: «И единодержецъ бывъ земли своеи, покоривъ подь ся округняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ» (курсив наш. – М. С.)

Города-крепости с языческим и христианским именами князя, Владимир на Волыни и Василев – центр укрепленных оборонительных линий, защищавших Киев от нападений печенегов с юга, маркировали его территориальные владения на наиболее опасных для нападения противников направлениях. Таким образом, имя киевского князя становилось знаковым символом, указывавшим пределы его государства.

Давнюю тенденцию к религиозно-идеологическому единству Руси Владимир попытался первоначально реализовать путем создания единого языческого пантеона, включавшего богов, различающихся по происхождению в разных этносах и особо почитавшихся в разных регионах государства, – Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокошь. Стремился он также распространить почитание великокняжеского и дружинного божества Перуна. Но становилось очевидным, что социально-экономическое и политическое состояние государства переросло возможности язычества как религиозно-нравственной системы, о чем свидетельствовало распространение христианства на Руси в первой половине X в. и попытки княгини Ольги в середине этого столетия учредить епископию. В качестве государственной религии был необходим монотеизм. Более столетия Русь была постоянно соединена с Византией многообразными торговыми, политическими, культурными связями. Поэтому всего через 25 лет после неудачи своей «бабы» княгини Ольги Владимир ввел христианство уже в качестве государственной религии, одновременно женившись на византийской принцессе Анне и став шурином императоров-соправителей братьев Василия II и Константина VIII.

Принятие христианства, преодолев противодействующие факторы, идеологически завершило произошедшие в стране социально-экономические и политические изменения. В 40-е годы XI в. Иларион в полной мере обоснованно отразил и сложную структуру русского общества, в котором происходило при Владимире распространение христианства, и неразрывные связи новой веры и церковной организации с княжеской властью. По его словам, Владимир повелел «<...> всъмъ быти христианомъ, малым и великымъ, рабомъ и свободным, унылым и старым, бояромъ и простым, богатым и убогимъ. И не бы ни единого же противящася благочестному его повелению, да аще кто и не любовию, нъ страхом повелѣвшааго крещаахуся, понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено» (курсив наш. – М. С.) Христианство привело в соответствие с общественно-политическим строем Руси новые христианские религиозно-нравственные ценности, которые уже исповедовались в большинстве феодальных государств Европы.

Христианство способствовало расширению возможностей киевских князей во внешней политике и в заключении династических союзов. После смерти Анны в 1011 г. Владимир женился, вероятно, на дочери немецкого графа Куно Онингенского, восходившей к Саксонской династии германских императоров. Своего пасынка Святополка Ярополковича он женил на дочери могущественного польского князя Болеслава Храброго, стремясь, как видно, нейтрализовать его активность на востоке.

Принятие христианства как следствие внутреннего предшествовавшего развития Руси способствовало быстрому освоению страной огромного опыта христианской культуры в ремеслах, письменности, архитектуре, живописи и т. д. прежде всего из Византии и Болгарии. Были учреждены входившие в состав Константинопольской патриархии Русская митрополия и епископии, внутренняя жизнь которых была организована в соответствии с изданным Владимиром Святославичем Церковным уставом. Впрочем, христианство распространялось в русских землях постепенно, не без сопротивления языческого населения. Способствовало постепенному освоению христианской веры образовавшаяся система религиозного синкретизма (так называемое «двоеверие»), соединившее новые христианские религиозно-нравственные ценности с традиционными языческими верованиями.

Но Русское государство жило также внутривластными

страстями. Были в нем региональные интересы местной знати, отличавшиеся от задач власти князя Киевского. В Полоцке обособился Изяслав Владимирович, родоначальник династии полоцких князей. Святополк Ярополкович, усыновленный Владимиром, по наущению Болеслава Храброго составил с женой и ее духовником, епископом Рейнберном, заговор против отчима. Этот заговор был опасен для Владимира, поскольку Туровская земля, где правил Святополк, простиралась к польским владениям. Только арест Владимиром заговорщиков остановил развитие событий.

В Новгороде в 1014 г. против власти отца восстал Ярослав, отказавшись посылать в Киев ежегодный налог в 2000 гривен. Видимо, он был вынужден присоединиться к местной знати, которая лишалась значительных доходов, тогда как ее торговые интересы, политические и культурные связи были ориентированы на страны близкого Балтийского моря, а не на отдаленные лесами, болотами, а главное – тяжелыми для переправ волоками Среднее Поднепровье. Выделение Новгорода означало бы развал традиционной политической, идеологической и торговой системы Русского государства. Только смерть Владимира во время сборов в поход остановила карательную по отношению к Ярославу и Новгороду акцию.

Вновь и по тем же причинам, что и после гибели Святослава Игоревича, началась братоубийственная борьба за политическое единовластие в стране. Только на этот раз она была дополнена существенным коррективом: Святополк Ярополкович стремился уничтожить сводных братьев – Владимировичей. К тому же он имел права на киевский стол в качестве сына старшего из Святославичей киевского князя Ярополка, убитого по приказу Владимира. В междукняжеской борьбе, охватившей все пространство Русского государства, погибли ростовский князь-наместник Борис, муромский – Глеб, древлянский – Святослав Владимировичи и временно захвативший киевский стол Святополк Ярополкович. Победил новгородский князь Ярослав, прозванный позднее Мудрым (киевское княжение в 1016-1054 гг. с перерывом в 1018 г.), которому помог, как и ранее его отцу, мощный экономический потенциал Новгорода.

Ярослав завершил деятельность отца по строительству Русского христианского государства. Он издал новый, разработанный по содержанию Церковный устав, указывающий состав судебных дел и лиц, подлежащих церковному суду, а

также первый писанный свод светских законов как основной источник права для княжеского суда – Правду Ярослава или Древнейшую Правду (ст. 1–18 Краткой Русской Правды). По нашему мнению, кодификацией светского законодательства Ярослава стал также текст Краткой Русской Правды (ср. близкие, но отличающиеся гипотезы А. И. Стратонова и А. А. Зимина о времени издания так называемой Правды Ярославичей).

Были возведены новые мощные укрепления вокруг Киева. Они защищали значительную по тому времени городскую территорию ок. 80 га. Ярослав построил в Киеве новый кафедральный собор, посвященный, как и главный собор в Константинополе, св. Софии. В 1045–1052 гг. были построены и освящены Софийский собор в Новгороде, а в 50-е гг. XI в. – в Полоцке. Таким образом, Софийские соборы освящали все пространство Русского государства на основных торговых путях по Днепру, Волхову и Западной Двине. Это знаковое строительство Софийских соборов в пограничных регионах символично обозначало «Русскую землю» как Дом св. Софии. Такое понимание единства государственного пространства реализовывалось и в практике междукняжеских отношений. Когда могущественный тмутараканский (на Таманском полуострове) князь Мстислав Владимирович решил вернуться в русские земли, он получил от Ярослава после сражения при Листвене в 1024 г. территории к востоку от Днепра, тогда как Ярослав – к западу. Но резиденция Ярослава стала находиться, как до 1015 г., в Новгороде, а в Киеве он управлял через своих посадников. После смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав вернулся в Киев. Он восстановил единовластие в стране. По примеру отца Ярослав маркировал пределы своих обширных владений городами-крепостями, названными своими языческим и христианским именами – Ярославль на Волге, Юрьев – в южной Эстонии, Юрьев – на реке Рось в пограничной со Степью зоне.

Хотя русская митрополия входила в состав Константинопольской патриархии, Русь являлась самостоятельным государством по отношению к Византийской империи. К 1043 г. относится поход Владимира Ярославича на Константинополь. Он должен был защитить права русских людей в византийской столице. Впрочем, поход закончился поражением. Сложными стали отношения Ярослава и с константинопольской патриархией. По его решению собором русских епископов в

1051 г. был избран митрополитом духовник Ярослава, священник Иларион.

Христианство до 1054 г. было еще единым, хотя различия в догматах и церковной обрядности между православием и католичеством уже сложились. Но и после раскола Церкви христианская принадлежность сохраняла значительные возможности для политического взаимодействия с ближними и дальними христианскими странами: русско-скандинавские (Швеция, Норвегия, Дания) отношения, русско-польско-германско-венгерские отношения, в которых Русь становилась союзником Германии и Венгрии в борьбе против сильного пограничного с ней Польского княжества. Сложная система взаимных отношений существовала и с Византийской империей. Династические союзы первой половины – середины XI в. с европейскими правящими домами лишь в небольшой мере раскрывают направления русской внешней политики этого периода.

Изяслав Ярославич был женат на дочери польского князя Мешко II Гертруде, Святослав – на Оде, дочери саксонского графа Леопольда Штаденского (саксонские правители вели в X–XI вв. активную восточную политику, а во главе Священной Римской империи находилась Саксонская династия). Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха. Елизавета Ярославна вышла замуж за норвежского короля Харальда, а после его гибели – за датского короля Свена. Анна Ярославна была замужем за французским королем Генрихом I, а после его смерти – за графом Крепи и Валуа Раулем II (она была матерью короля Филиппа I и участвовала до второго замужества в управлении Францией). Внуки Ярослава продолжили традицию активных европейских политических и династических союзов. Владимир Всеволодович Мономах был женат на Гите, дочери последнего англосаксонского короля Харальда II. Сестра Владимира Мономаха – замужем за штаденским графом Генрихом Длинным, а после его смерти – за германским императором Генрихом IV. Такую же династическую политику вели и другие Рюриковичи. Органичное включение Рюриковичей в систему династических связей правящих домов христианских государств Европы XI – начала XII в. свидетельствует о том, что Русь рассматривалась ими как равный в социальном и политическом отношении партнер, а сама она оставалась в едином культурном и политическом европейском пространстве.

Объективные основания политически единого государства вновь проявили себя после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Вместо борьбы за единовластие «триумvirат» (определение А. Е. Преснякова) старших по возрасту Ярославичей, – Изяслава, Святослава и Всеволода, обладавших абсолютным экономическим и военно-политическим превосходством, стал единовластно управлять Русским государством. Это единовластие продолжалось до киевского восстания 1068 г., когда в последовавших событиях политические амбиции братьев, несмотря на попытки примирения, все же взяли верх. Начинали действовать и объективные процессы, которые вели к политической раздробленности страны (см. далее).

Такая политическая структура Русского государства и его органическое включение в систему европейских политических, дипломатических и династических связей было возможно потому, что общественный строй Руси определялся такими же, как и в других развитых странах Европы того времени, феодальными отношениями. Он не был архаичным, варварским, «дофеодальным», рабовладельческим или подобным античным городам-государствам, как считают некоторые ученые.

Как отмечено ранее, согласно всему комплексу письменных источников, во второй половине X – середине XI в. на Руси существовали феодальные общественные отношения, основанные на неземельных феодах. Во второй половине XI – начале XII в. эта система продолжала развиваться. Письменные исторические источники позволяют дополнить ранее сделанные наблюдения и более подробно рассмотреть новую информацию.

В составе княжих служилых людей («дружины») появился новый социальный слой – *детские*. Подобно княжим мужам и отрокам они исполняли военные и административно-судебные функции. Как и княжие мужи детские могли назначаться на высшие княжеские (государственные) должности посадников, но они не исполняли, в отличие от отроков, служебных функций на княжеском дворе. То есть в социальном статусе детские были ниже княжих мужей, но выше отроков. Детские были взрослыми людьми и владели собственным «имением» – собственностью.

Такой социальный статус княжих служилых людей («дружины» – «верных»), мужей, детских, отроков, со второй половины XI в. позволяет предположить, что в это время ими становились люди из разных общественных слоев – высшего, среднего

и низшего. В соответствии со своим социальным и материальным положением они приобретали на княжеской службе определенный статус, совмещенный со служилыми обязанностями и юридическими привилегиями. Жизнь княжих мужей защищалась двойной вирой в 80 гривен. Отроками могли быть только лично свободные. Вира за их убийство составляла 40 гривен. Отсюда можно сделать вывод, что княжеская служба в качестве отроков делала людей свободными вне зависимости от их первоначального положения (пленного или холопа). Все княжие служилые люди («дружина») становились привилегированным военно-служилым сословием, которое воевало, исполняло функции княжеского административно-судебного аппарата и не платило податей. Княжие мужи представляли в нем высший слой, поскольку их высший социально-политический статус совмещался с особым статусом юридическим. Отсюда можно сделать вывод, что служба князю являлась в X–XI вв. и позднее сословнообразующим фактором.

Княжие служилые люди («дружина») получали феоды-деньги в виде денежных раздач (до двухсот гривен и, видимо, еще более значительных). Княжие мужи, детские и отроки обеспечивались также «кормом» в виде податей, налоговых и судебных пошлин или отчислений от них. Служилая знать (княжие мужи) назначалась на высшие государственные должности тысяцких – руководителей городских ополчений, воевод – предводителей княжеского войска или во время присутствия в нем князя его полков или иных подразделений, посадников – руководителей городского административно-судебного аппарата. Это системное единение князя и его служилых людей в управлении государством было очевидно митрополиту Никифору (ум. 1121), который в Послании к Владимиру Мономаху сопоставил князя и его служилых людей, воевод и «слуг», с душой и органами чувств, которые этой душе служат, от которых она получает сведения и которыми она «действует».

Служилые люди создавали свои хозяйства, тогда как местная знать, восходившая к местным племенным родам, поступала на службу князьям. Вследствие таких встречных экономических и социально-политических процессов, происходивших в результате образования крупнейшего европейского государства того времени, осуществлялась интеграция знати в сословие *бояр* – буквально, ‘людей знатных и богатых’. Во второй половине XII–XIII в., как следует из переработанного, вероятно, в это время Церковного устава Ярослава, особым высоким штрафом стала

защищаться честь жены и дочери боярина. В этих социальных и правовых процессах отразилось становление высшего после князей боярского сословия.

Князья владели крупными комплексными господскими хозяйствами, в состав которых входили укрепленные и неукрепленные города, села, заповедные леса для охоты и сбора меда диких пчел, стада крупного и мелкого рогатого скота, конские табуны. Местной, а позднее служилой знати принадлежали первоначально мелкие владения.

В господских хозяйствах использовался труд *смердов*. В зависимости от господствовавших теорий и личных взглядов исследователи характеризовали их как свободных и несвободных, все сельское население и зависимых, сидящих на княжеской земле, крепостных и феодально зависимых, произошедших из рабов, покоренных племен и пленников-рабов, посаженных на княжеские земли, государственные крестьяне (почти все эти мнения излагаются во множестве вариантов). По нашим наблюдениям, смердами в XI–XIII вв. называлось все свободное сельское население, центром административно-судебного управления которым являлся княжеский погост (альтернативно с социальным термином *смерды* могло использоваться древнее понятие *люди*). Поэтому юридические и нарративные (повествовательные) источники сообщают, что смерд – земледелец. Он женат, имеет семью, владеет лошадью и хозяйством. Смерд находится в «подданстве» и под юрисдикцией «своего» князя. Поэтому он участвует в княжеском войске, а на войну у него мобилизуют лошадь. Княжеская юридическая защита обеспечивала его имущество и личные права, как от других свободных, небогатых и незнатных, так и от «сильных». В качестве лично свободного человека смерд платил *продажу-штраф* княжескому суду за совершенные преступления, ежегодные фиксированные подати княжеским властям, исполнял повинности, прежде всего военную, дорожную и, вероятно, городскую (строительство и ремонт городских укреплений). Выморочное (без мужчин-наследников) имущество смерда отходило князю как главе государства, в лице которого персонифицировалось право титульной верховной собственности государства на землю. Смерды жили в составе соседской общины-верви при определяющем значении малых семей и возникающих на их основе неразделенных братских и отцовских неразделенных семей с индивидуальной или малосемейной юридической ответственностью.

Вероятно, смерды передавались князьями в господские хозяйства в составе сел и волостей. При этом они сохраняли право на обращение в княжеский суд и другие права лично свободных людей, но подати и повинности исполняли на господина, светского или духовного (церковь, монастырь) первоначально, возможно, в том же составе и размерах, что ранее – на государство. Эти поступления в денежной и/или натуральной форме от смердов становились для господина денежной и/или натуральной рентой – доходом, который не требовал предпринимательской деятельности. Штраф за их убийство становился таким же, как и за убийство холопов – 5 гривен. Таким образом, представляются наиболее плодотворными те исследовательские направления в изучении положения смердов, которые предполагают в них лично свободное и зависимое сельское население. Именно поэтому в Новгородской и Псковской землях вплоть до XV в. свободное сельское население с центрами административно-судебного управления в погостах называлось смердами. В северо-восточных княжествах это древнее название было заменено в XIV в. новым социальным термином – *крестьяне* как следствие религиозной самоидентификации (*христиане*) в противоположность нехристианам-ордынцам. Убедительных данных для определения статуса смердов как крепостных, рабов или произошедших из рабства нет.

Понятие *челядь* продолжало обозначать широкую по составу группу зависимых людей. Поэтому в Русской Правде не указан штраф за убийство челядина, тогда как за жизнь конкретного вида зависимого человека он приведен последовательно. Зависимые смерды могли называться челядью и указываться в качестве населения господских сел. В челядь, согласно Краткой Русской Правде, входили также *рядовичи*. За убийство их платили 5 гривен. В исследовательской литературе рядовичей характеризовали преимущественно как *рядовых*, обыкновенных зависимых или свободных, как свободных или зависимых людей (вариант, рабов), заключивших со своим господином ряд. Из информации исторических источников следует, что рядовичи попадали в зависимость через *ряд*-договор. Одни из них должны были отработать или вернуть долг с процентами (вероятно, древнейшая форма ряда), другие рядились на службу господину, становясь свободными низшими членами княжеского хозяйственного или административно-хозяйственного управления. В зависимости от конкретного

вида использования труда рядовича, получаемый господином доход, разумеется, кроме службы рядовичей, становился натуральной или денежной рентой.

В состав челяди входили также *холопы*. Исследователи, считавшие определяющими их юридический статус и аналогии с античными рабами, называли холопов рабами. Между тем конкретные формы их зависимости и эксплуатации в господском хозяйстве свидетельствуют о качественных различиях этих социальных категорий. Труд холопов широко использовался в качестве земледельцев, ремесленников, кормилиц и кормильцев господских детей, управляющих в господском хозяйстве (в странах Западной Европы того времени они назывались *министерялами*), которые руководили княжескими селами и пашенными работами. Холопы осуществляли господские торговые и денежные операции. Таким образом, господин получал от холопов в соответствии с их занятостью в хозяйстве все виды ренты, продовольственной, денежной и отработочной.

Холопами являлись пленные, их дети, русские люди, которые продавали себя в холопство за реальную или символическую цену, добровольно становились холопами вследствие поступления на господскую службу или женитьбы на *робе* – холопке. Если свободный человек заключал в двух последних случаях договор с господином о сохранении свободы, он оставался свободным. Холопство являлось средством наказания закупов, которые воровали, а также купцов, которые губили по своей вине доверенные им чужие товары и деньги, но не могли возместить их владельцам.

Возможность сохранения свободы посредством заключения договора с господином и добровольность похолопления свидетельствуют не только об отрицательных, но и о положительных следствиях социально-экономически детерминированного установления холопской зависимости, поскольку свободного человека, который добровольно стал холопом, защищали отныне господин и его хозяйство. Холопы могли заводить свое хозяйство, жениться и иметь семью. Они могли быть богатыми и своевольными, иметь своих холопов. Господа отпускали их на свободу. Холопы могли себя выкупить. Но холоп находился в полной личной зависимости от господина, который владел его жизнью и имуществом.

Наличие в холопстве правовых форм патриархального рабства и средневековых форм эксплуатации труда, социально-

экономической детерминированности холопской зависимости и ее определенных положительных следствий при сохранении возможности жестокого и несправедливого отношения господина к холопу позволяет определить природу холопства иначе, чем как рабство по аналогии или по правовым признакам. Холопство развилось из патриархального рабства позднего племенного строя. В условиях становления и последующей эволюции средневековых общественных отношений оно развилось в особый вид сословия, которое объединило правовой статус патриархальных рабов и средневековые формы социально-экономического положения и эксплуатации труда при наделении холопов орудиями труда, их занятости в виде службы господину или обслуживания его хозяйства. Именно поэтому холопство как сословие просуществовало в России, развиваясь, до начала XVIII в., когда было отменено указом Петра I.

Закупы характеризовались исследователями как крепостные, как кабально зависимые, как рабы, выкупившиеся на свободу, как деклассированная часть русского общества, люмпен-пролетариат, полурабы и т. д. По нашим наблюдениям, наиболее убедительно мнение тех предшественников, по мнению которых закупничество стало развитием рядовничества. Закупы как особая общественная категория появились, вероятно, в конце XI – начале XII в. Они попадали в зависимость прежде всего через денежную ссуду, долг под проценты, – *купу*. Закупы должны были отработать ее в хозяйстве господина. Заняты они были только в сельских работах, поэтому закупничество можно рассматривать как распространение порядных отношений в сельской местности. У закупов были свои земельные наделы и тягловый скот, которые служили основой частичного сохранения прав свободного человека. Когда свободные смерды разорялись, а их хозяйство оказывалось в тяжелом положении, они должны были обращаться за поддержкой деньгами, земледельческим инвентарем, зерном в экономически стабильные княжеские и боярские хозяйства при условии погашения долга и процентов отработками. Закупы должны были работать в хозяйстве господина, на господской пашне и ухаживать за скотом. Поэтому господин получал от закупов денежную, продовольственную и отработочную ренту.

Господин стремился превратить временную зависимость закупа в постоянную, но законодательство запрещало это делать. Закон последовательно защищал юридические и имущественные права закупов как свободных людей. Закуп мог от-

крыто уйти от господина в поисках денег для выплаты купы и процентов и даже бежать к князю или княжим служилым людям, обладавшим судебными правами, за юридической защитой от господина вследствие его обид. В случае порчи или кражи господского имущества, предоставленного закупу, в его отсутствие или кражи скота из запертого хлева (то есть при тщательном исполнении работы) закуп за него не отвечал. Если господин наносил ущерб закупу, его личной собственности, пытался изменить размер его купы, брал с него денег больше меры, он должен был заплатить судебный штраф, а деньги, взятые сверх меры, закупу вернуть. Если господин продавал закупа в холопы, тот освобождался от долга, а господин должен был заплатить князю судебный штраф, второй по величине после виры за убийство простого свободного человека – 12 гривен. Если господин бил закупа, «не соображая», пьяным или без вины, то он платил такой же судебный штраф, как и за полностью свободного человека.

В то же время закуп был ограничен в правах, что являлось средством его внеэкономического принуждения. Закуп не мог тайно бежать от господина. Если во время работы на господина он губил своего коня, господин ему за этого коня не платил. Но закуп платил господину за поврежденные господские плуг и борону, которыми на него работал, за небрежное отношение к выпасу господского скота и его содержание в хлеву. Господин мог бить закупа «за дело», а в случае кражи – превратить в холопа.

В господском хозяйстве, светском и церковно-монастырском, вероятно, не хватало рабочих рук. Соседские общины и кровнородственные связи неразделенных семей были еще крепки, тогда как княжеская власть стремилась регулировать правоотношения простых свободных людей и зависимых с «сильными», как называли тогда в обобщенной форме людей знатных и богатых. Кроме того, простые свободные люди могли уйти от государственного или господского принуждения, что являлось одной из причин активной внешней и внутренней крестьянской колонизации. Поэтому князь Владимир Мономах призывал в Поучении (датируется, вероятно, 1096 г.) своих сыновей и власть имущих: «<...> а не вдавайте сильным погубити человека». Но, видимо, многие не могли исполнить этот завет. В 1136 г. во время восстания против внука Мономаха Всеволода Мстиславича в качестве первой причины его изгнания было указано: «Не блюдет смердъ», то есть не защи-

щает прав лично свободного сельского населения Новгородской земли.

В условиях недостатка рабочей силы господское хозяйство использовало все методы, чтобы привлекать в зону своего воздействия как свободных людей, так и бывших зависимых. В их числе были люди, которые брали *дачу*, прежде всего в виде «хлеба», «придатка» («то, что давалось дополнительно»), а также «милости», реальное содержание которой могло иметь, вероятно, разное наполнение. Они становились основанием для отношений зависимости, близких к прекарным, когда свободный человек, взявший «дачу», должен был работать на господина, пока не вернет или не отработает «дачу», что было близко к закупничеству, но не тождественно ему. Должники, которым прощались долги, назывались *прощенниками*. Вероятно, им сохранялась свобода вместо обращения в холопы, но они должны были выполнять определенные повинности в пользу господина. Названия *пущенников* и *задушных* людей в числе «церковных людей» указывают на то, что на Руси существовал отпуск зависимых людей на волю при жизни и по завещанию господина. Церковь защищала их права, но стремилась сохранить в зоне своего влияния. В отличие от исследователей, которые считали *изгоев* особой общественной категорией, мы полагаем, что понятие *изгой* (буквально, *изжитый*) было только названием самых разных по общественному положению людей, изменивших социальный статус. Поэтому в числе *изгоев* указаны разорившийся купец, попович, не знающий грамоты, и князь, утративший свое княжество.

Княжеская служилая система была феодальной в прямом значении этого понятия, производного от слова *феод*, а не от теоретического термина *феодальная формация*, поскольку раздачи денег, должности, кормы-кормления являлись феодами, натурально-денежным обеспечением за службу князю. Они представляли собой ренту – доход, не требующий предпринимательской деятельности. Такое определение природы феодальных отношений позволяет установить односторонность давних характеристик средневековых государственных податей только как государственного института или только как феодальной ренты. Государственные подати в средневековом обществе обладали двойственной природой. Часть их использовалась для общегосударственных нужд (строительство городов, крепостей, пограничных оборонительных линий, содержание войска и т.д.), тогда как другая распределялась из

княжеской казны или прямых отчислений от податей и пошлин в виде феонов-денег и феонов-должностей.

Господин, владеец хозяйства, получал от разных категорий зависимых людей, находившихся в составе этого хозяйства, денежную, продуктовую, отработочную ренту вследствие различных форм внеэкономического принуждения. Таким образом, в подсистемах государства и господского хозяйства на Руси XI–XIII вв. устанавливается единая природа социальных отношений, основанных на получении ренты.

Наряду с этими структурами на Руси существовали также города и соседские крестьянские общины. Средневековые город и крестьянская община являлись органичной составной частью общественного строя Руси X–XIII вв. Городские купеческие и ремесленные хозяйства использовали труд зависимых людей, а также учеников и подмастерьев. Крупные и мелкие княжеские служилые люди, владельцы господских хозяйств имели свои дворы-хозяйства в городах, которыми управляла княжеская администрация. Цеховые ремесленные организации в городах на Руси X–XIII вв. почти не прослеживаются, тогда как, вероятно, наиболее распространенной формой купеческого объединения являлось *сто*. Его организационным центром являлась обычно патрональная церковь такого объединения, где хранились также эталоны веса и длины.

Города платили князю денежно-натуральную подать *урок*, *погородье*, пошлыны от торговли, проездные пошлыны и т. д., часть которых после перераспределения в княжеской казне или в виде непосредственного отчисления за исполнение княжеских должностей становилась *кормом* служилых людей – феоном-рентой.

Соседские крестьянские общины-верви имели дуалистический (двуединый) характер. Пахотной землей владели малые или неразделенные семьи. Они сохраняли права на пахотные владения, а также на собственное хозяйство малой семьи. Леса, воды, выпасы и пожни находились в коллективном владении. Уравниательные переделы до XVI в. не прослеживаются. Следовательно, можно предположить, что пахотные земли находились в наследственном владении с правом отчуждения с согласия общины или в виде наказания за совершенный тяжкие преступления по решению княжеского административно-судебного аппарата.

Община-вервь органично входила в государственную систему в качестве социального коллектива и юридического лица.

При индивидуальной правовой ответственности членов общины существовала коллективная ответственность, круговая порука, если члены общины не искали на своей территории убийцу княжеского огнищанина, т. е. община могла вести на своих землях следственные действия, хотя суд был княжеским. Как следует из Пространной Русской Правды (далее – ПП), в общине существовала свобода участия в «дикой вире» – коллективной выплате виры. Отсюда следует, что община помогала только тому члену, который помогал ранее другим общинникам выплачивать виру – штраф за убийство. Малые семьи, из которых состояли соседские общины, продолжали платить налоги-дани, которые, как и подати от городов, становились материальным содержанием кормов-феодов. Таким образом, подати в системе феодальных отношений являлись средством эксплуатации простого свободного населения. Горожане и смерды должны были исполнять также государственные повинности: повоз – перевозки княжеских чиновников, строительство и ремонт городских укреплений, воинскую повинность.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
Древняя Русь: Город. Замок. Село. М., 1985.
Зимин А. А. Холопы на Руси: (С древнейших времен до конца XV в.) М., 1973.
Иларион, митрополит. Слово о законе и благодати // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века.
Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.
Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII века: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
Рапов О. М. Русская церковь в IX первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 59–149.
Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.
Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. 2-е изд. М., 1991.
Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
Свердлов М. Б. Дополнения // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.
Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

- Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ: (На материале Древней Руси). Минск, 1970.
Горемыкина В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982.
Пьянков А. П. Происхождение общественного строя Древ-

ней Руси. Минск, 1980.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКИХ КНЯЖЕСТВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XI–XII в.

Развитие общественных отношений вело к эволюции всех структур Русского государства. Понятие *дружина* продолжало обозначать как служилых князю людей, так и объединения по определенному принципу – от войска до нескольких человек, собравшихся на совет вместе с князем по его приказу. Как следует из ПП, понятие *дружина* обозначало также сельские соседские объединения. Не ясно, является ли такое словоупотребление следствием его расширения или оно существовало ранее, но нарративные письменные произведения его в таком значении не использовали. Вероятно, значительное семантическое расширение термина *дружина* отразило трансформацию замкнутого коллектива служилых князю людей с совмещенными воинскими, административно-судебными функциями в государственный княжеский административно-судебный аппарат с традициями обозначения макро- и микрогрупп княжичих мужей, войска и слуг.

Интеграция княжичих отроков и профессиональных слуг княжеского двора имела следствием появление социального термина *дворяне* (равнозначные термины *дворянин*, *слуга*, *слуга дворный* известны с последней четверти XII в.) Они стали началом формирующегося с XIII в. военно-служилого сословия *дворян*. Детские, вероятно, стали началом развивавшегося с конца XIII в. особого социального слоя детей боярских, находившихся в экономическом и общественном положении между боярами и дворянами-слугами.

Во второй половине XI в. отмечается распространение вотчинного землевладения в среде бояр и, видимо, более низких по положению служилых людей (в ПП, составленной, по мнению Б. Д. Грекова, А. А. Зиминой, М. Б. Свердлова и других исследователей, с определенными различиями, в первой трети

XII в., для обозначения собственника землевладельческого хозяйства используется широкое и социально неопределенное понятие *господин*). Расширение господского землевладения прослеживается, как отмечено ранее, в появлении в конце XI – начале XII в. закупов. Видимо, увеличилась сфера применения труда холопов (в ПП отмечаются их торгово-денежные операции). В это время холопство используется как средство наказания нерадивого купца, закупа – вора или бежавшего от господина (см. ранее). Таким образом, можно предположить развитие холопства как сословия средневекового общества.

В XII в. быстро растут города как торгово-ремесленные, политические, военные, идеологические и религиозные центры. Значительно увеличиваются их число и занимаемые ими площади (в первой трети XIII в. существовало ок. 150 городов с занимаемой укрепленной территорией от 300 га до 2,5 га). В качестве особых социальных коллективов с определяющим значением торгово-ремесленного населения, а также бояр с зависимыми от них людьми, города имели самостоятельные экономические и общественно-политические задачи и возможности, отличные от княжеских. Поэтому после периода подчинения княжеской власти они начинают ей противостоять, растет стремление местной знати – боярства к независимости от нее. После смерти Ярослава Мудрого формируются местные княжеские династии в Черниговской, Смоленской, Ростово-Суздальской земле, на Волыни и в Галиции (ранее существовала лишь одна местная династия полоцких князей). Всеволод Ярославич (1078-1093, здесь и далее указывается киевское княжение), Святополк Изяславич (1078-1113), Владимир Всеволодович Мономах (1113-1125), Мстислав Владимирович Великий (1125-1132) предпринимали значительные усилия для сохранения политического единства страны и системы киевского княжения как высшей политической власти. Однако в последней четверти XI – первой половине XII в. образовались наследственные княжеские владения со столами в Чернигове, Переяславле, Смоленске, Ростове, Суздале, на Волыни и в Галиции, а представители разных ветвей княжеского дома начали кровавую борьбу за раздел и передел своих владений. Так что уже в 1097 г. они вынуждены были собраться в Любече на совет для установления мира. Основные вопросы княжеского съезда были сформулированы актуально для определения судеб Русского государства: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю

нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей <...>» (перевод Д. С. Лихачева). Но сразу после съезда теребовльский князь Василько Ростиславич был схвачен по приказу князей Святополка Изяславича и Давыда Игоревича и ослеплен. Объективные процессы распада и политической раздробленности Руси княжескими благими пожеланиями было уже не остановить, хотя Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий много сделали, чтобы сдержать их в первой трети XII в. Можно предположить, что во второй половине XI – первой трети XII в. существовала двуединая система Русского государства, сохранявшая традиции политического единства «Русской земли», но в пределах которой нарастали тенденции будущих политически автономных земель, княжеств и боярских республик, Новгородской и Псковской.

Качественные изменения в политической системе Русского государства произошли во второй трети XII в. В результате восстания в 1136 г. образовалась Новгородская боярская республика, которая вследствие независимости от княжеской власти начала приглашать князей на княжение, заключая с ними договоры. В 50-е – 80-е гг. XII в. владими́ро-суздальские князья Андрей Юрьевич Боголюбский и его младший брат Всеволод Большое Гнездо создали систему великого княжения Владимирского как самостоятельного от киевской власти политического сеньориально-вассального объединения северовосточных князей. Вследствие разного соотношения основных социально-экономических и политических факторов, княжеской власти, местной знати-бояр и городов, в период политической раздробленности Руси сложились различающиеся политические системы.

В странах средневековой Западной Европы социальной основой города становились купеческие гильдии, ремесленные цехи, а политической основой – единство интересов городских сословий, возглавляемых избираемыми магистратами. Они были защищены мощными оборонительными системами, что позволяло некоторым западноевропейским городам вести относительно самостоятельную политику по отношению к королю и местной феодальной знати. В отличие от западноевропейских городов русский средневековый город был ограничен в этих возможностях. На Руси купеческие организации – сотни были слабы, цеховые организации едва прослеживаются. Го-

рода управлялись князьями или княжеской администрацией, посадниками, тысяцкими, позднее – тиунами. В них жили также бояре, находились боярские дворы. Поэтому русский город в XI – первой трети XIII вв. редко становился самостоятельной силой, преимущественно поддерживая определявших политическое содержание событий князей или их социальных и политических соперников местную знать – бояр.

В северо-восточных землях, входивших в систему великого княжения Владимирского, сохранилась политическая структура сильной княжеской власти киевского периода, подчинявшей иерархически организованные сословия бояр, дворян-слуг, свободных крестьян и городское торгово-ремесленное население. На Северо-Западе Руси богатый Новгород добился независимости от власти киевских князей. Его республиканский строй определялся выборной системой главных магистратов – посадника и тысяцкого, а позднее и архиепископа. Вероятно, во второй половине XII в. был разработан сначала в устной форме, а затем и в письменной формуляр договоров Новгорода с князьями. Они определяли княжеский государственно-правовой, имущественный и бытовой статус в Новгородской земле. В отличие от других русских земель-княжеств того времени экономические интересы Новгородской боярской республики были направлены в значительной мере в страны Балтийского региона, а ее военно-промысловая и крестьянская колонизация – на северо-восток и север Восточной Европы. Но и Новгород не мог существовать без поддержки князей, деятельность которых была ограничена в боярской республике условиями договоров. Они активно участвовали в административно-судебном и воинском управлении, поддерживая новгородцев экономическим и военным потенциалом своих княжеств.

Равновесие военно-политических сил в южных и юго-западных княжествах привело к постоянным кровопролитным столкновениям княжеских и боярских группировок, в равной мере привлекавших города на свою сторону. В западных – Смоленском и Полоцком – княжествах княжеская власть сохранила определяющее значение, но бояре и стольные города, все более крепнувшие в XII-XIII вв., постоянно вносили коррективы в княжескую политику. Еще сохранившееся великое княжение Киевское приобрело символически престижное значение, что привлекало некоторых князей вокняжиться в Киеве. Но Киевская Русь как политически единое государство

прекратила свое существование во второй трети XII в., а Киевская земля превратилась в одно из русских княжеств.

Впрочем, культурно-историческая традиция Русской земли сохранилась. По XIII в. на всем пространстве русских земель существовала единая материальная культура, разумеется, с местными вариантами. Литературный язык и литература также оставались едиными. Русская митрополия поддерживала единое культурное пространство единством церковной организации, а ее глава еще долгое время имел титул, сохранявший историческую традицию – «митрополит Киевский и всея Руси». Когда же объективные социально-экономические процессы разделили к концу XII – началу XIII в. русских людей на жителей разных, иногда враждебных друг другу земель – княжеств *киян, смолян, полочан, новгородцев, владимирцев* и т. д., они сохраняли общее самоназвание – культурно-историческую самоидентификацию – *русин*, то есть *относящийся к Руси*.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Котляр Н. Ф. Формирование государственной территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958 (см. также последующие издания).

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967 (см. также последующие издания).

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973 (см. также последующие издания).

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Подвигина Н. А. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1976.

Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: (Историко-бытовые очерки XI-XIII вв.). Л., 1947; 2-е изд. Л., 1966.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII-XIII вв. М.; Л., 1963.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.

Янин В. А. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В. А. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В. А. Новгородские акты XII-XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин В. А. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.

ИСПЫТАНИЕ НАШЕСТВИЯМИ

Экономические, социальные и политические структуры русских княжеств и Новгородской боярской республики продолжали интенсивно развиваться в условиях политической раздробленности. Совершенствовалась техника земледелия. Сельские и городские ремесла достигли замечательного расцвета, хотя постоянные междукняжеские распри имели следствием значительные трудности в жизни сельского и городского населения. Однако этот естественный путь развития в соответствии с внутренними объективными закономерностями был деформирован воздействием внутреннего фактора – нашествиями сильнейших противников.

В 1206 г. в далекой от Руси Монголии был провозглашен великим ханом с титулом *Чингизхан* талантливый полководец Тэмуджен (ок. 1155–1226). Он провел административную и военную реформы, которые способствовали созданию единого Монгольского государства с централизованным управлением и сильной армией. Мощная военно-политическая централизованная организация молодого государства позволила войскам Чингизхана завоевать или разгромить многочисленные страны, от Китая до Азербайджана и Грузии. Одна из монгольских армий разбила в 1222 г. половцев, а 16 июня 1223 г. – объединенное русско-половецкое войско. Впрочем, это грозное предупреждение не могло иметь конструктивных следствий для русских земель. Они были раздроблены на множество самостоятельных княжеств, тогда как монгольская армия включила в свой состав многочисленные реформированные отряды тюркских народов Центральной Азии, она использовала опыт китайских инженеров, была прекрасно организована и чрезвычайно сильна.

После тщательной подготовки внук Чингизхана Батый (ум. 1255) в двух кампаниях 1237–1238 гг. и 1239–1240 гг. разгромил северо-восточные, южные и юго-западные русские княжества. 4 марта 1238 г. на р. Сити было разбито объединенное

войско северо-восточных князей, а великий князь Владимирский Юрий Всеволодович погиб в битве. В декабре 1240 г. был захвачен и разрушен Киев. Множество городов и сел было сожжено, а их население перебито от стариков до младенцев. Оставляли в живых только ремесленников, которых уводили в плен, а также население тех немногих городов, которые не оказывали сопротивления. Батый создал огромное государство Орду со столицей Сарай-Бату в низовье Волги. Он стал повелителем – «царем» русских князей, которых он утверждал на княжение в их княжествах особыми жалованными грамотами – ярлыками. В этих условиях князьям оставалось подчиниться или пытаться сопротивляться, обрекая себя на гибель, а княжество – на опустошение.

Ярослав Всеволодович (1191–1246), который стал великим князем Владимирским после смерти брата, первым поехал к Батю, отправив своего сына Константина в далекий Каракорум – столицу Монгольской империи. Михаил Всеволодович Черниговский (ум. 1246) и Даниил Романович Галицкий (1201–1264) бежали в Венгрию, но после долгих странствий вернулись на Русь. Михаил был вынужден поехать в Орду, но не подчинился унижительным для православного князя обрядам и был убит. Талантливый галицко-волынский князь Даниил пытался организовать сопротивление Орде, отбивая в то же время нападения венгерских и польских войск. Для повышения социально-политического престижа он принял в 1254 г. от папской курии королевский титул. Но могущество его княжества было надломлено. Его брат Василько Романович (1199–1271) и сын Лев Данилович (ум. 1301) еще боролись за сохранение независимого положения Галицко-Волынского, а позднее только Галицкого княжества. Но в середине XIV в. Галиция была захвачена королевством Польским, а Волынь – Великим княжеством Литовским.

Между тем в 40-е – 80-е гг. XIII в. сложилась система управления ордынскими ханами русскими княжествами, а также Новгородской землей, подчиненными их власти. Попытки организовать прямое управление ими посредством чиновников-баскаков (они собирали подати и командовали отрядами, которые подавляли сопротивление) провалились. Появление и действия баскаков с их отрядами постоянно вызывали сопротивление русских людей, что вело к восстаниям. Тогда ордынские ханы использовали феодальную иерархическую систему великого княжения Владимирского. Хан, которого на Руси на-

зывали *царем*, давал ярлык на великое княжение Владимирское тому из русских князей, которому считал нужным. Тот вокняжился во Владимире в присутствии ханского представителя. Великому князю подчинялись прочие северо-восточные князья. Он отвечал за сбор ордынского *выхода* дани и передачу его ханским чиновникам. Тяжелым обвинением становилось подозрение хана в утайке части этой дани.

Ордынская власть постоянно реализовывалась на Руси и в других формах. В качестве вассалов по приказу хана русские князья должны были являться со своими отрядами как вспомогательные войска. В соответствии с китайским опытом в русских землях была проведена перепись – *число* для учета населения и собираемых податей с хозяйства малой семьи – *дом* или *попложное* (в этой организации налогообложения была использована русская традиция). Русская церковь освобождалась от дани и других повинностей, на что митрополиты получали ярлыки. Кроме *выхода* ханы требовали себе особые подношения деньгами или товарами – *запрос царев*. Князья дополнительно подносили *дары* – *почестье*. Подати собирались для ордынской знати и ханских чиновников в случае их проезда по русским землям. Особые повинности составляло содержание ханских ловцов и сокольников, обеспечение ханской охоты, регулярные перевозки ханских послов и чиновников – *ямская гоньба*. Система Ордынского ига постоянно лишала русские княжества значительных материальных и людских ресурсов, тогда как традиционные формы подчинения задерживали их общественно-политическое развитие.

С начала XIII в. на русские княжества надвигалась с запада экспансия крестоносцев. Терпя поражения в конце XII в. на Ближнем Востоке, они распространили свою активность против еще языческих балтских и финно-угорских регионов Прибалтики, а также против православных стран. Участники Четвертого крестового похода захватили и разграбили в 1204 г. столицу Византийской империи Константинополь. В Прибалтику была направлена завоевательная деятельность Тевтонского ордена и ордена Меченосцев. После разгрома последнего был создан Ливонский орден. Этот орден завершил завоевание латышских и эстонских земель и начал военные действия против Полоцкого и Смоленского княжеств, против Новгородской боярской республики, у которой захватил в 1240 г. города Изборск, а затем и Псков.

В том же году шведское войско приплыло в устье Невы и

высадилось в месте впадения в нее реки Ижоры. Пользуясь тяжелым положением русских земель, Шведское королевство решало в 1240 г. собственные политические задачи. Оно стремилось подчинить своей власти все финские племена, восточная часть которых платила дань Новгороду, входящие в состав его территориальных владений карельские погосты и земли по Неве с последующим движением на Ладогу и Новгород. Вероятно, шведское войско возглавлял второй после короля человек в Швеции – ярл Ульв Фаси (в более поздних русских исторических источниках ошибочно назван Биргер, который стал ярлом в 1248 г.). Получив сообщение о высадке шведского войска, новгородский князь Александр Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича (ок. 1220–1263), с отрядом, состоявших из его дворян и знатных новгородцев с их дружинами маршем-броском преодолел по суше расстояние от Новгорода до устья Ижоры и внезапным нападением 15 июля 1240 г. разгромил шведов.

После победы Александр Невский поссорился с новгородскими властями и отъехал в свое Переяславское княжество. Однако Новгород не мог сам справиться с натиском Ливонского ордена. Новгородцы в 1241 г. вновь призвали Александра быть у них князем и он снова проявил полководческий талант. Он выбил рыцарей из Копорья, освободил захваченный Псков. Выманивая на себя орденское войско, он вторгся в Эстонию. Когда рыцарское войско вышло к новгородским владениям, Александр Невский уже прикрыл их, выстроив свои полки на юго-восточном берегу Чудского озера и заставив сражаться тяжело вооруженных рыцарей в неблагоприятных для них условиях битвы на льду. 5 апреля 1242 г. орденское войско было наголову разбито. Погибло около 400 рыцарей и множество простых воинов-кнехтов, взято в плен 50 рыцарей.

Победы Александра Невского отразили опаснейшие нападения Шведского королевства и Ливонского ордена, хотя военные столкновения с ними продолжались и позднее. Но против мощной в военном отношении Орды сил у раздробленных и ослабленных русских княжеств не хватало. Поэтому Александру Невскому пришлось пять раз ездить в Орду и даже Каракорум. В Орде получил он ярлык на великое княжение. Пришлось ему, поддерживая ордынскую власть, подавить в 1259 г. восстание в Новгороде, поскольку князь Александр Ярославич понимал, что русское войско того времени еще не могло выдержать удара мощной татаро-монгольской конницы.

В середине XIII в. появился у русских княжеств и новый противник – быстро крепнувшее при князьях Миндовге, Витене, Гедимине и их преемниках Великое княжество Литовское. Уже в 1245 г. литовцы напали на Смоленское княжество и новгородские владения. Во второй половине XIII – середине XIV в. обширные русские территории от Волыни до верховьев Оки были включены в состав Великого княжества Литовского, а в 1404 г. был захвачен и Смоленск.

В результате военно-политических событий середины – второй половины XIII в. русские княжества не только понесли огромные людские и материальные потери. Они оказались отрезанными от стран Западной Европы, с которыми с X в. традиционно Русское государство, а позднее и княжества-земли поддерживали экономические и политические связи. Все это оказало отрицательное воздействие на темпы их исторического развития, определило задачи последующей внутренней и внешней политики русских князей и царей.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1965.

Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1997.
Кн. 1, 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая ранее сделанные наблюдения над историографией, теорией и практикой изучения общественного строя Руси VI–XIII вв., можно сделать следующие выводы.

В исследовательском процессе борьба идей разных научных, общественно-политических направлений и школ часто имела следствием отрицание наблюдений предшественников в результате абсолютизации собственных выводов и методов. Исторические факты противопоставлялись исторической теории и наоборот. Между тем, научное изучение истории и общественного строя Руси VI–XIII вв. раскрыло различающееся значение его структурных элементов на разных этапах исторического развития – племенных институтов, монархического государственного правления и местного самоуправления, государства и права, общины, классов и сословий. Абсолютизация отдельных исторических фактов и факторов приводила к деформации методов исследования и обобщений, к недоказанным аналогиям вместо выводов, следующих из комплексных исследований, основанных на информации всей совокупности исторических источников.

Конструктивное использование всего опыта, накопленного в предшествующие 260 лет научного изучения, всей совокупности информации исторических источников позволяет исследовать историю Руси VI–XIII вв. на системно-структурном уровне с учетом всех системных элементов в их взаимодействии. Генетический метод позволяет проследить развитие общества от племенных структур до государственных в разных формах социально-политического устройства. На современном уровне изучения особое значение приобретает также точность научных дефиниций. На этих теоретических основаниях можно пересмотреть одни ранее сделанные в отечественной научной литературе наблюдения, подтвердить другие и прийти к новым выводам.

Исследование истории Руси VI–XIII вв. позволяет считать не-

доказанными позитивистские и догматические марксистские характеристики ее общественного строя как «варварского», рабовладельческого, подобного античным городам-государствам, «дофеодального», феодального как следствия феодальной формации. Столь же не доказаны восходящие к аналогиям, позитивизму, догматическому марксизму и сталинизму расширение дефиниций «рабство», ограничение научного содержания категории «феодализм» крупным землевладением, крепостничеством, господским хозяйством – вотчиной.

Анализ исторического развития Руси показывает, что оно является следствием объективных закономерностей, по которым развивались индоевропейские народы лесной зоны Европы в эпоху развитого железного века. В отличие от индоевропейских народов Средиземноморья, у которых в эпоху позднего бронзового и раннего железного века образовались античные рабовладельческие отношения, у славян VI–VII вв., расселившихся на обширных пространствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, еще существовал поздний племенной строй. Он содержал те основные структурные элементы, которые в условиях развитого железного века содержали тенденции развития, отличного от рабовладельческих обществ: рядовые свободные соплеменники и племенная знать, избираемый князь и его дружина, господское хозяйство, в состав которого входила челядь, включавшая патриархальных рабов. В племени существовали добровольные натуральные подношения в мирное время князю и его дружине.

В VIII – первой половине X в. у восточных славян появились новые формы еще племенного, предгосударственного развития – межплеменные союзы и племенные княжения, в которых определяющую роль играли племенная знать и князь, тогда как значение племенных народных собраний уменьшилось.

Новая периодизация исторического развития Русского государства позволяет раскрыть содержание становления, подъема политического могущества и распада Киевской Руси в IX – первой трети XII в., суть политической раздробленности Русского государства, развивавшейся со второй трети XII в. Устанавливается территориальное единство Киевской Руси как политически единого государства с одной княжеской династией, территориальным делением, податной системой и войском. Новое определение общественного строя, обобщившее предшествующий исследовательский опыт, позволяет раскрыть его как одновременное становление и развитие средневековых

общественных отношений в IX – первой половине XI в. в развивающихся подсистемах государства и господского хозяйства. Устанавливается единая социально-экономическая природа этих подсистем в виде ренты. В феодальной подсистеме государства рентой становились кормы-кормления, которые давались князем служилым людям за исполнение административно-судебных должностей, воинской и престижной княжеской дворовой службы. Эти кормы являлись феодами – натурально-денежным обеспечением за вассальную службу. Они являлись основой феодальных отношений, основанных на неземельных феодах.

Одновременно развивалась подсистема господского хозяйства, в котором с зависимых людей взималась отработочная, продуктовая и денежная рента. При этом содержание холопства раскрывается не как рабство, когда раб становится орудием труда и объектом вещного права, а как закономерное следствие развития патриархального рабства, что ведет к сохранению в холопстве юридических форм патриархального рабства при появлении в нем средневековых форм эксплуатации.

Отсюда следует, что общая историческая закономерность социально-экономического и политического развития Руси VI–XIII вв. содержится не в смене первобытнообщинных, рабовладельческих и феодальных отношений (со множеством вариантов в интерпретациях), а в эволюции поздних племенных социальных связей в феодальные сеньориально-вассальные на княжеской службе. Бывшие соплеменники попадали в разные формы зависимости от господина в его хозяйстве, тогда как патриархальное рабство развилось в холопство. Древнерусское общество, как и в других средневековых странах Европы того времени, было сословным, разделенным на тех, кто воюет, кто молится и кто трудится. Юридически сословия делились на привилегированных княжих служилых людей, непривилегированных податных лично свободных, а также холопов, лично зависимых. Это единство общественно-политического строя Руси и других европейских стран являлось материальной основой ее постоянного включения во второй половине X – XIII в. в общеевропейские политические связи и династические союзы.

Установленное таким образом социально-экономическое и политическое развитие Руси в VI–XIII вв. не позволяет согласиться с мнениями, как преувеличивающими последствия

монголо-татарского нашествия в изменении ее общественного строя, так и недооценивающими их. Исследование позволяет в полной мере оценить отрицательные последствия людских, материальных, культурных утрат в результате Ордынского нашествия, крестоносной экспансии, территориального роста Великого княжества Литовского и королевства Польского, в состав которых были включены обширные территории русских княжеств, организации Ордынского ига на Руси. Устанавливается преобладание содержания основных экономических, социальных, политических, культурологических процессов в русских землях второй половины XIII–XIV вв.